

На правах рукописи

МОНГИЛЁВА Наталья Викторовна

**ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ДИСКУРСА:
МОДЕЛИ ИНТЕРРЕЛЯЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, РУССКОЙ,
КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Челябинск – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный университет» на кафедре теории и практики английского языка.

Научный консультант: доктор филологических наук, доцент
Кушнерук Светлана Леонидовна

Официальные оппоненты: **Балакин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», заведующий кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации»;

Огнева Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», заведующий кафедрой иностранных языков педагогического института;

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго)

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»

Защита состоится 16 июня 2025 г. в _____ на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.089.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» по адресу: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», https://www.csu.ru/Shared%20Documents/MogilevaNV_dissertasia.pdf.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.В. Мамонова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу категории диспозитивности дискурса межличностных отношений во французской, русской и казахской лингвокультурах.

На современном этапе развития науки о языке актуальны фундаментальные вопросы о природе сложных феноменов, к числу которых относится дискурс. В дискурсивных практиках субъекта происходит интерпретация поступающей извне информации и создание смысла для других, то есть *оречевление*, осуществляемое в единстве вербально-семиотических ресурсов, моделей интерпретации, индивидуально-языкового и коллективно-языкового опыта. Трансфер понятия диспозитивности в дискуртологию и признание его категориальной характеристикой дискурса позволяет раскрыть интерпретативность дискурсивного процесса в диалектике субъектных и межсубъектных факторов.

Понятие диспозитивности (от позднелат. *dispositivus* – распоряжающийся) сложилось в риторике и активно разрабатывается в теории права для характеристики свободы выбора субъекта и ограничений этой свободы в рамках существующих правовых норм. В настоящей диссертации термин «диспозитивность» используется для обозначения процесса и результата интерпретации объектов речи в сфере межличностных отношений в ограничениях, созданных дискурсом как средой речевых взаимодействий. Диспозитивность раскрывает комплексную природу интерпретации: она ориентирована индивидуальными когнитивными моделями субъекта, усвоенными дискурсивно в речевых взаимодействиях с членами своей лингвокультурной общности, и следует закономерностям, сложившимся в коллективном опыте, то есть «межсубъектна». В результате дискурсивной деятельности говорящего формируется высказывание, отражающее выбор речевых знаков и содержащее индивидуальную интерпретацию объекта речи.

Степень разработанности проблемы. В рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы интерпретирующая природа дискурса раскрывается в соотнесенности с условиями коммуникации (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова.). Описание дискурса происходит с учетом экстралингвистических характеристик: связи со сферой общения, тематического содержания, национально-лингвокультурных параметров и т.д. На этом фоне без внимания остается двуединство интерпретационного процесса и общего кода, обеспечивающего продуцирование бесконечного множества высказываний, качество которых предопределяется факторами коммуникативной ситуации и сферой социального опыта.

Смещение фокуса научного внимания на *внутрилингвистические* параметры исследования выводит на первый план **дискурс объекта** – аналитический конструкт, формируемый совокупностью кореферентных высказываний, объединенных на основе референции к социально значимому феномену или сегменту социального опыта (В. И. Тюпа, Л. О. Чернейко). Высказывание выступает фрагментом дискурса как эмпирической реальности

интерпретации объекта речи. В данной работе дискурс межличностных отношений исследуется как дискурс объекта во французской, русской и казахской лингвокультурах. Представляется, что подход к изучению дискурса объекта в перспективе от абстрактного социального феномена (межличностные отношения) к конкретному высказыванию позволяет углубить понимание интерпретирующей природы дискурса и специфики ее проявления в каждой из трех лингвокультур.

В этой связи важно подчеркнуть, что антропоцентричность дискурсивной деятельности раскрывается в изучении познавательной активности субъекта, что находит отражение в системе понятий, значимых для анализа дискурса: субъект (П. Серио), субъектный принцип (О. Г. Дубровская), когнитивная доминанта (Н. Н. Болдырев, Л. А. Фурс). Интерпретирующими являются механизмы обработки эмпирических данных коммуникативной ситуации. В этом кругу вопросов также рассматриваются: распределение фокуса внимания, выделение активного и пассивного объекта, фигуру-фоновых отношений, выбор точки референции, направление перспективы [Арутюнова 1990; Кибрик 2003; Магировская 2009]; ракурс и ориентиры осмысления коммуникативной ситуации, заданные конфигурацией знаний субъекта [Дейк 2013, Hutchins 2014]; связь с ценностями и установками членов социокультурного общества [Алефиренко 2010].

Достижения в сфере изучения познавательной деятельности позволяют представить дискурс оперативным концептуальным пространством, создаваемым участниками коммуникации [Беляевская 2017; Ноблок 2007; Шейгал 2000]. Развитие проблематики интерпретативной деятельности коммуникантов, когнитивного моделирования и ментально-языковых особенностей репрезентации действительности в дискурсе происходит в теории текстовых миров [Андреева 2019; Огнева 2022; Полянская 2013; Tinceva 2015; Werth 1999], теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования [Кушнерук 2016, 2023].

Интерпретирующее влияние дискурса на оречевление изучается сквозь призму событийности. Дискурсивная деятельность рассматривается относительно цели коммуникации, что предполагает наличие точки зрения говорящего, направленности на адресата, а также выбор позиции по отношению к объекту речи. Знания участников трансформируются в мнения, убеждения, установки (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, Ю. Хабермас). Однако связь оречевления с коллективными схемами, усвоенными ранее и существующими в среде речевых взаимодействий, остается мало исследованной.

Влияние дискурса на производство смыслов раскрывается при его онтологизации как среды речевых взаимодействий, обусловленной конфигурациями знаний (Ж. Деррида, М. Фуко). Появляется эпистема *власти дискурса*, в ракурсе которой разрабатываются проблемы навязывания субъектам способа интерпретации социальной действительности, осуществляемого социальными институтами [Бодрийяр 2000; Водак 2011]. В научном поле разрабатывается понятие *диспозитива*. Речь в основном идет о том, что синтез дискурсивных и недискурсивных практик создает информационное пространство, задающее ракурс производства значений и понятий [Фуко 1996; Jäger 2012]. Достижения концепций о власти дискурса получают распространение в

исследованиях масс-медиа [Кожемякин 2010; Плотникова 2011], но практически не обнаруживаются в анализе бытового личностно-ориентированного общения.

В современной науке о языке интерпретативность дискурса, как правило, изучается в ее обусловленности спецификой лингвокультуры. Специалисты признают, что *дискурсивная среда неотделима от лингвокультурной* (А.Н. Баранов, И. В. Зыкова, В. И. Карасик, В. В. Красных, О. А. Турбина). Распространение и хранение культурного знания происходит через коммуникативный обмен шаблонами и паттернами поведения, идеями, понятиями и языковыми средствами [Колмогорова 2012; Hutchins 1980; Kövecses 2009]. Влияние лингвокультурной среды на речевую деятельность подтверждается в исследованиях стиля как манеры речи, взаимосвязи языковой культуры и речевого выражения [Гришаева 2007; Цурикова 2007]. В анализе лингвокультурной специфики речи выбор говорящим речевого средства учитывается, но ограничительные условия коммуникативной ситуации, как правило, не принимаются во внимание. Поскольку фактор лингвокультуры способствует объяснению причин существования регулярных способов репрезентации смысла в речи, важно понять, почему в разных лингвокультурах для интерпретации объекта речи используются именно те или иные когнитивные модели и языковые формы.

Поднимая данную проблему, полагаем, что трансфер понятия диспозитивности в дискуртологию дает аналитический инструмент для исследования условий интерпретативной деятельности говорящего.

Отдельные аспекты *диспозитивности* и сопряженные с этим феноменом понятия получают разработку в риторике. Используется термин «диспозиция», под которым обобщенно понимается замысел оратора, определяющий выбор речевых средств из ряда возможных в зависимости от общей организации содержания [Анисимова 2004; Ключев 1999].

В данной работе отстаивается идея о том, что выделение когнитивно-конструктивной категории диспозитивности раскрывает интерпретативность дискурса с учетом наличия у коммуникантов общих знаний об объекте речи и имеющихся в их распоряжении языковых форм. Принципиальную значимость для исследования имеют общекогнитивные и дискурсивные ресурсы интерпретации, сформированные в лингвокультурной среде и усвоенные коммуникантами дискурсивно.

Актуальность настоящей диссертации обусловлена, во-первых, тем, что в современной дискуртологии значимым является решение проблем разграничения субъектной и межсубъектной природы дискурса, понимания его интерпретирующего феномена, а также идиоэтничности коллективных когнитивных моделей, определяющих и одновременно ограничивающих интерпретацию объекта речи. Во-вторых, трансфер понятия диспозитивности из теории права в анализ дискурса открывает возможности исследования дискурсивной деятельности субъекта в диалектике коллективного и индивидуального. В-третьих, выделение категории диспозитивности дискурса межличностных отношений позволяет исследовать специфику осмысления сферы социальных взаимодействий в разных лингвокультурах на основании

регулярности воспроизводства отдельных сегментов коллективного опыта.

Объектом исследования выступает диспозитивность как категория дискурса, упорядочивающая представления об общекогнитивных, дискурсивных и культурно-специфических факторах интерпретации объекта речи.

Предмет исследования – модели интерреляции, реализующие диспозитивность дискурса межличностных отношений во французской, русской и казахской лингвокультурах.

Цель исследования – выявить общекогнитивные и дискурсивные условия реализации диспозитивности в дискурсе межличностных отношений и закономерности активации моделей интерреляции во французской, русской и казахской лингвокультурах.

Поставленная цель конкретизируется следующими **задачами**:

1) рассмотреть содержательные характеристики диспозитивности в проблемном поле интерпретирующего феномена дискурса;

2) разработать методологический аппарат и аналитический инструментарий для описания диспозитивности как категории дискурса;

3) выделить набор устойчивых и контекстуально-зависимых характеристик дискурса межличностных отношений, реализующих его диспозитивность;

4) исследовать когнитивно-дискурсивные условия осуществления говорящим выбора модели и средства интерпретации объекта речи в дискурсе;

5) описать модели интерреляции, выделить инварианты и систематизировать их проявления во французских, русских, казахских высказываниях о межличностных отношениях;

6) выделить специфичные для каждой из лингвокультур социокультурные конструкторы, обеспечивающие невербализованные компоненты контекста;

7) провести психолингвистическое исследование моделей интерреляции с учетом лингвокультуры и дискурсивных практик говорящих.

Гипотеза исследования. Когнитивно-конструктивная категория диспозитивности раскрывает интерпретирующий феномен дискурса. Онтологически она обеспечивается изоморфизмом (или общностью, отраженной в структурных свойствах) лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. Диспозитивность дискурса межличностных отношений реализуется в культурно-обусловленных моделях интерреляции, которые реконструируются на основе речевого материала. Инварианты интерреляции определяют качественные характеристики контекстов о межличностных отношениях. Реализующие инвариант модели интерреляции обладают лингвокультурной спецификой во французской, русской и казахской культурах.

Материалом для исследования послужили 62 460 высказываний о межличностных отношениях представителей французской, русской, казахской лингвокультур в период с 2015 по 2024 год.

За *единицу анализа* было принято высказывание или его фрагмент, достаточный для понимания события со-отношения субъектов. В отдельных случаях рассматривались два или более высказывания, объединенных референцией.

В авторскую картотеку включен разнотипный эмпирический материал:

1. Был составлен фокусный корпус из обиходных высказываний представителей трех лингвокультур на французском, русском, казахском языках (16 662 контекста). В данную группу вошли высказывания, записанные во время личного общения с носителями русского и казахского языков; транскрипции бесед-интервью, собранные обучающимися Костанайского регионального университета в рамках учебных проектов и магистерских диссертаций в период с 2015 по 2018 год; записи личных бесед с ассистентами Французского культурного центра в г. Костанайе и преподавателями-французами, участвующими в программе академической мобильности; записи, сделанные участниками данной программы во Франции.

2. Вторую группу источников составили сообщения, размещенные на интернет-форумах о межличностных отношениях. Данные контексты являются аутентичными, приближенными к устной речи (26 500 контекстов). В корпус исследования вошли высказывания, отобранные по тематическому критерию: с русскоязычного форума <https://lady.mail.ru/forum>; с франкоязычных форумов <https://www.forumfr.com>-, рубрика Quotidien, подрубрики Education et Famille, Amour et Séduction; сообщения и комментарии к ним с казахскоязычного форума <http://www.kazakh.ru> подрубрики Махаббат жайында, Жалпы казакша; ответы пользователей на вопрос *qu'est-ce que c'est la famille / le mariage/ les traditions familiales pour vous*, размещенный на форуме <https://answers.yahoo.com>;

3. Высказывания о межличностных отношениях на французском языке и их переводы на русский язык, извлеченные из контекстного словаря Reverso <https://context.reverso.net> (2 000 контекстов).

4. Для получения промежуточных выводов исследования были привлечены тексты-советы психологов, письма-обращения к психологам и ответы психологов и консультантов, размещенные на русскоязычных интернет-сайтах [Life-Reactor URL: <http://www.life-reactor.com>; Women's day URL: <https://www.wday.ru/seks-otnosheniya>; Story- Woman.ru URL: <http://www.story-woman.ru>], франкоязычных сайтах [Psychologies URL: <http://www.-psychologies.com>; ELLE URL: <https://www.elle.fr>; PourquoiDocteur URL: <https://www.pourquidocteur.fr>], а также сайтах на казахском языке [Massaget.kz URL: <https://massaget.kz>; Nur.kz URL: <https://kaz.nur.kz>; Kerekinfo.kz URL: <http://kerekinfo.kz/blog>]. В результате собрано 12885 контекстов.

5. Корпус контекстов высказываний о межличностных отношениях был также дополнен данными (2 000 контекстов) из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Алматинского корпуса казахского языка.

6. Эмпирическим материалом исследования стали данные психолингвистических экспериментов, неструктурированного опроса (60 участников) и переводческого эксперимента (23 участника). В результате получено 1033 и 1380 контекстов соответственно.

Анализ диспозитивности дискурса межличностных отношений, базируется на комплексе методов: философско-логические методы (анализ, синтез, доказательство, аргументация, объяснение, обобщение, интерпретация, диалектический анализ); общенаучные методы (наблюдение, моделирование,

аксиоматико-дедуктивный метод, рефлексия), а также *частнонаучный метод герменевтического анализа* в интерпретации контекстов высказываний; дисциплинарные методы определяются установками когнитивно-дискурсивной парадигмы: *многофакторный анализ объекта* в соотнесении фактов языка и форматов знания, погруженных в контекст коммуникативной ситуации и лингвокультуры; *методики концептуального анализа* в сопоставлении значений речевых средств и актуализированных мыслительных структур, *контекстуальный анализ*, подразумевающий использование приемов выявления имплицитных и инференциальных компонентов содержания; элементы *сопоставительного метода* в работе с речевыми контекстами трех лингвокультур, а также *лингвокультурологический метод*.

В диссертации также используется *метод метафигурирования* в проецировании характеристик целого на возможные потенциальные конфигурации элементов. *Психолингвистический эксперимент* (верификация моделей и их взаимозависимостей) проводится с применением методик *неструктурированного опроса* и *переводческого эксперимента*.

Методологическая база исследования представлена достижениями науки о языке в рамках антропоцентрического подхода, при котором феномены речи соотносятся с целями и потребностями говорящего. Основные теоретико-методологические принципы исследования сформулированы под влиянием следующих научных направлений:

философия языка, представленная концепциями изучения связи языка и идеологических контекстов (Ж. Делез, Ж. Ж. Лакан, М. Фуко, З. Ягер), языка и познавательной среды (Л. Выготский, Э. Кларк, М. Коул, Э. Хатчинс), языка и воплощенного познания (Ф. Варела, Й. Златев, Е. Итконен, А. В. Кравченко, У. Матурана, М. Мерло-Понти, Ф. Шарифиан);

теория интерпретации (В. З. Демьянков) и *интерпретирующей функции языка* (Н. Н. Болдырев и представители Тамбовской школы когнитивной лингвистики Л. В. Бабина, В. Б. Гольдберг, В. С. Григорьева, О. Г. Дубровская, О. В. Магировская, Л. А. Панасенко, Л. А. Фурс);

теория текста и дискурса (П. Бергер, М. В. Йоргенсен, Э. Лакло, Т. Лукман, М. Л. Макаров, Н. Фэйрклаф), концепция *дискурсивного конструкционизма* (Дж. Поттер, Д. Эдвардс), *теория социальных репрезентаций* (С. Московичи); *социокогнитивные теории дискурса* (Д. Гирэртс, Т. А. ван Дейк, Р. Дирвен, В. Келлер, П. Морган);

когнитивная семантика (И. К. Архипов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. Б. Касевич, У. Крофт, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Попова, И. А. Стернин, Л. Талми), *когнитивная грамматика и методология конструирования смысла* (Р. Лангакер), *фреймовая семантика* (Ч. Филлмор), *концептуальная метафора* (Э. В. Будаев, Р. Гиббс, Дж. Лакофф, Т. Г. Попова, О. А. Солопова, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов), концепции *культурологической специфики концептуальных моделей* (Н. Юю, А. В. Колмогорова, А. Мусольф, Т. Г. Попова, Д. Тай), *психолингвистика* (Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев).

В соответствии с принципом экспансионизма современной научной парадигмы методология данного исследования интегрирует аналитические

инструменты смежных областей гуманитарного знания: *философское понимание диспозитивности* (Т. Гоббс, И. Кант, Д. Локк,) с учетом способов ее интерпретации в *теории права* (Р. Б. Брюхов, Т. Н. Молчанова), *риторике* (Т. В. Анисимова, Е. В. Ключев), а также *теория позиционирования в социальной психологии* (Б. Дэвис, Р. Харре).

В диссертации получает осмысление инвариантно-вариативная модель анализа взаимосвязи речевых форм и моделей интерпретации. Гносеологической основой трактовки дихотомии инвариант / вариант как сущности, постигаемой через непосредственно данные органам восприятия вариации, являются идеи Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна. Выделение инвариантов и их реализаций в моделях интерпретации проводится в русле концепции инвариантности Дж. Лакоффа, а также ее развития в работах М. Джонсона, А. Круза, Р. Лангакера и Л. Талми.

В фокус анализа диспозитивности помещается *речевой знак* – воплощение смысловой версии об объекте речи, уникальность которой обеспечивается фактом выбора говорящим модели и средства интерпретации в пределах, созданных дискурсом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интерпретативность речемыслительной деятельности служит основанием для выделения когнитивно-конструктивной категории диспозитивности дискурса. Данная категория упорядочивает представления об общекогнитивных, дискурсивных и культурно-специфических факторах интерпретации объекта речи. Диспозитивность раскрывает свойство дискурса быть способом представления знаний о мире в речевых знаках, которые комбинируются под влиянием закономерностей, существующих как общее знание участников коммуникации. Категория диспозитивности дискурса межличностных отношений реализуется в системе интерреляций – моделей и разноуровневых средств объектно-событийного формата репрезентации социального взаимодействия в кореферентных высказываниях.

2. Конститутивными признаками диспозитивности являются когнитивное варьирование и дискурсивная регулярность. Они соответствуют двум типам ресурсов интерпретативной деятельности – когнитивным и речевым. Их одновременная активация обеспечивает процесс оречевления и определяет необходимый ракурс видения объекта речи. Модель интерреляции адаптирует индивидуальный смысл конгруэнтно ценностным установкам социума и культуры, при этом развертывание высказывания ограничивается закономерностями дискурса: 1) возникновением в контексте невербализованных компонентов высказывания, соотносимых с социальными идеями; 2) исключением нерелевантных импликаций; 3) актуализацией традиционных для лингвокультуры метафорических образов.

3. Интерреляция – ментальный конструкт, репрезентирующий значимое устремление субъекта взаимодействия на другого и ожидание ответного устремления, реконструируется на основе речевого материала во французской, русской и казахской лингвокультурах. Модель интерреляции конфигурируется тремя элементами: сущности (С1 и С2) и образная схема, задающая перспективу

в осмыслении со-отношения между ними – ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ или ЦИКЛ. Выбор модели интерпретации в кореферентных высказываниях о межличностных отношениях ограничивается инвариантами движения, объекта, цикла. Они обеспечивают реализацию общекогнитивных условий диспозитивности дискурса, что получает выражение в системе речевых средств в трех лингвокультурах.

4. Модель интерреляции с инвариантом движения С1 – ПРОСТРАНСТВО – С2 активует знания, обобщающие физический опыт движения участников к совместным целям. Концептуализация межличностных отношений в высказываниях на французском, русском, казахском языках осуществляется на основе образных схем ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. В трех лингвокультурах инвариант движения объективируется двумя группами речевых средств: 1) глаголами и существительными с семами движения, прилагательными с семантикой акциональности; 2) существительными с пространственной семантикой. Во французском и русском языках инвариант также объективируется предлогами. На основе интерреляции движения единообразно в трех лингвокультурах развиваются метафорические модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Инвариант движения накладывает ограничения на активацию значений с семантикой остановки, закрытых пространств, близкой дистанции.

5. Модель интерреляции с инвариантом объекта С1 – ОБЪЕКТ – С2 обеспечивает концептуализацию объекта речи на основе опыта манипуляций с предметами. Осмысление межличностных отношений осуществляется посредством образных схем ПРЕДМЕТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, ОБЪЕКТ, ОБЪЕДИНЕНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ МЕЖДУ. Инвариант объекта реализуется четырьмя группами средств, передающих семантику: 1) контроль и перемещение материальных предметов; 2) действия по созданию объекта, материальные свойства объекта; 3) собственность, «неотчуждаемая» собственность; 4) знания об инструментах, выполняющих функцию удержания, действиях со связующими предметами. На основе интерреляции объекта единообразно во французской, русской, казахской лингвокультурах развиваются метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ и ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ. Инвариант объекта накладывает ограничения на активацию значений самостоятельного движения субъекта от объекта устремления.

6. Модель интерреляции с инвариантом цикла С1 – ЦИКЛ – С2 репрезентирует смыслы о межличностных отношениях на основе знаний о природных, социальных, внешних и внутренних процессах. Интерпретация осуществляется за счет образных схем ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЦИКЛ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. В трех лингвокультурах инвариант цикла реализуют пять групп речевых средств: 1) указывающих на естественные процессы растений; 2) отсылающих к знаниям о стадиях развития и жизнедеятельности человека или животного; 3) передающих знания о физических

процессах; 4) обобщающих опыт восприятия внешней среды органами чувств; 5) имеющих семантический компонент «движение по кругу». На основе интерреляции цикла единообразно в трех лингвокультурах развиваются метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС, ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Инвариант цикла накладывает ограничения на активацию значений линейной последовательности в причинно-следственных связях.

7. Лингвокультурная специфика моделей интерреляции во французской, русской и казахской лингвокультурах предопределяется действием социокультурных конструкторов как динамических структур коллективной природы, аккумулирующих социальные идеи о личности. Во французской лингвокультуре доминирует социокультурный конструктор «личное пространство», в русской — «общность», в казахской — «родовая группа». Идиоэтничность диспозитивности проявляется на уровне имплицитных и инференциальных компонентов высказываний о межличностных отношениях. В контекстах на французском языке выделяются скрипты согласованного действия, личной автономии, рационального действия; дискурсивный код свободного выбора; метафорические проекции ОТНОШЕНИЯ – МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, КОНФЛИКТ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ, ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ. В контекстах на русском языке устанавливаются скрипты сопричастности, созависимости, единения; дискурсивный код эмоциональной общности; метафорические проекции КОРОТКАЯ СВЯЗЬ – ОГРАНИЧЕНИЕ, ДЛИННАЯ СВЯЗЬ – ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ, ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО. В контекстах на казахском языке определяются скрипты ориентации на группу и традицию, скрипт координативного действия; дискурсивный код уважения; метафорические проекции ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ, УВАЖЕНИЕ – ОДАРИВАНИЕ, ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ХОРОШО ВИДЕТЬ, ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПЛОХО ВИДЕТЬ.

8. Экспериментально подтверждается, что лингвокультурная специфика диспозитивности дискурса проявляется на уровне языкового сознания представителей казахской и русской лингвокультур, что свидетельствует об изоморфизме лингвокультуры – моделей интерпретации – дискурса. Результаты неструктурированного опроса демонстрируют несовпадение моделей интерреляции при осмыслении семейных отношений респондентами-казахами и респондентами-русскими. Высказывания казахских респондентов выстраиваются на основе интерреляции с инвариантом цикла, у русских респондентов более востребованной оказывается модель интерреляции с инвариантом объекта. Результаты переводческого эксперимента доказывают, что идиоэтничность диспозитивности предопределяется качеством дискурсивной среды и содержанием социокультурных конструкторов о личности. Переводы французского текста на русский язык, выполненные носителями русского языка, отражают комплекс идей о приоритете общих интересов над индивидуальными, закрепленных в социокультурном конструкторе «общность».

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) в теоретико-методологическом отношении доказано и обосновано выделение диспозитивности как категории дискурса, определяющей его интерпретирующую природу;

2) разработаны аналитические инструменты исследования диспозитивности в системе когнитивно-дискурсивных условий выбора говорящим модели и средства интерпретации;

3) впервые выделены категориальные признаки диспозитивности дискурса;

4) осуществлено исследование дискурса межличностных отношений как дискурса объекта;

5) дано научное описание моделей *интерреляции* в дискурсе межличностных отношений;

6) осмыслены общекогнитивные и дискурсивные условия диспозитивности, *реализующие* интерпретирующий феномен дискурса межличностных отношений;

7) произведена систематизация инвариантов интерреляции и моделей, развиваемых на основе каждого из них в трех лингвокультурах;

8) в научный оборот введены термины *диспозитивность дискурса, инвариант интерреляции, модель интерреляции, скрипт дискурса межличностных отношений, код субъективной позиции*;

9) выделены и описаны социокультурные конструкторы о личности, обуславливающие скрипты и коды субъективной позиции во французском, русском и казахском дискурсах межличностных отношений;

10) представлена методика когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности, в которой выделяются вариативно-репрезентативный, семантико-когерентный, эпистемически-референтивный и психолингвистический аспекты и обосновываются аналитические инструменты, приемы исследования общекогнитивных и дискурсивных условий реализации диспозитивности дискурса;

11) разработана авторская методика установления имплицитных и инферентных компонентов высказывания, привлеченных в контекст дискурсом как средой речевых взаимодействий;

12) предложена методика экспериментального исследования лингвокультурной специфики моделей интерреляции и механизмов интерпретативной деятельности сознания представителей разных лингвокультур, в рамках которой разработаны процедуры проведения неструктурированного опроса и переводческого эксперимента, предложены инструкции, алгоритмы сбора эмпирического материала и параметры анализа результатов.

Теоретическая значимость работы заключается в выделении категории диспозитивности для анализа интерпретативности дискурса. Работа вносит вклад в теорию языка, дискуртологию, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, теорию языкового сознания. Предложенный в работе инструментарий позволяет анализировать речевой знак как результат субъектной деятельности языкового сознания и одновременно как фактический образец, воспроизводящий дискурсивные закономерности и лингвокультурную

специфичность.

Выявление моделей, определяющих предзаданность дискурса, вносит существенный вклад в теорию *дискурса объекта* и расширяет метаязыковой потенциал когнитивно-дискурсивных исследований. В диссертации разработана авторская методология комплексного когнитивно-функционального анализа категории диспозитивности, которая позволяет устанавливать социокультурные конструкторы, обеспечивающие ракурс интерпретации объекта речи во французских, русских и казахских высказываниях о межличностных взаимодействиях.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения его результатов в университетском преподавании курсов по теории языка, теории дискурса, анализу речевой деятельности, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации и этнопсихолингвистике. Собранный эмпирический материал может быть использован в сравнительных исследованиях французской, русской и казахской лингвокультур. Полученные результаты послужат основой для дальнейших научных разработок в области когнитивно-дискурсивного анализа.

Обоснованность и достоверность результатов диссертации обеспечиваются методологической базой исследования, репрезентативностью и объемом эмпирических данных, последовательной методологической организацией исследования, а также использованием современных методов анализа речевого материала.

Апробация работы Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, научных семинарах кафедры иностранной филологии Костанайского регионального университета имени Ахмет Байтурсынулы. Положения диссертации были представлены на VII, VIII, X, XII международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Белгород, Екатеринбург, Москва, Нижний Новгород), на международных научных конференциях в Российской Федерации (Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Тамбов, Томск, Челябинск), в Республике Казахстан (Алматы, Астана, Костанай), а также дальнем зарубежье (Бельгия, Франция). Отдельные фрагменты работы прошли апробацию в рамках научного проекта АР23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов», поддержанного грантом Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (2024 г.). Научная деятельность диссертанта была отмечена грамотой министра науки и высшего образования Республики Казахстан (2023 г.), а также званием Почетный работник КРУ имени Ахмет Байтурсынулы (2024 г.).

По теме исследования опубликовано 52 работы, из них 1 монография, 21 статья в журналах и научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, 3 статьи входят в базу данных SCOPUS.

Структура диссертации определяется поставленными в работе задачами, отражает основные этапы и логику исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и четырех приложений, в которых систематизированы материалы психолингвистического эксперимента. Библиографический список включает 843 источника. Общий объем диссертации с приложениями составляет 501 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определены цель и задачи диссертации, указаны методы и материал исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации работы.

В **первой главе «Теоретико-методологические основы исследования диспозитивности дискурса»** устанавливается исходная теоретико-методологическая база работы.

Гносеологическими предпосылками введения категории диспозитивности в научный анализ являются философско-когнитивистские концепции, постулирующие *распределенность познания* (Л. Выготский, Э. Кларк, М. Коуль, Э. Хатчинс), *эмерджентность культурного знания* в познавательной деятельности (Ф. Франк, Ф. Шарифиан), а также *принципиальную интерпретируемость* объекта речи (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова). Формирование дискурса производится субъектами как сложными адаптивными системами в социально обусловленных и культурно-значимых условиях.

Методологическим звеном исследования диспозитивности дискурса являются доказанные в науке идеи, утверждающие следующие фундаментальные свойства дискурсивной деятельности.

Интерпретативность. Концепция языковой интерпретации ставит во главу угла обусловленность индивидуальных речевых действий коллективными схемами и ориентированность индивидуальной концептуальной системой. *Дискурсивная* интерпретация смещает фокус исследовательского внимания на формирование смыслов *для других* в процессе коммуникации. Дискурсивная деятельность осуществляется *речевыми знаками (высказываниями)*. Это знаки вторичного означивания и действия, осуществляемые единством составляющих речевых средств, которые являются для говорящего «формами построения целого» (М. М. Бахтин), сохраняют связь со множеством других усвоенных и произнесенных речевых знаков (Б. М. Гаспаров, О. Г. Ревзина), иначе – с дискурсом.

В данной научной перспективе дискурс представляет собой среду, в которой реализуются языковое сознание говорящих, язык как система знаков и лингвокультура как реальность, созданная речевым взаимодействием (см. Рисунок 1).

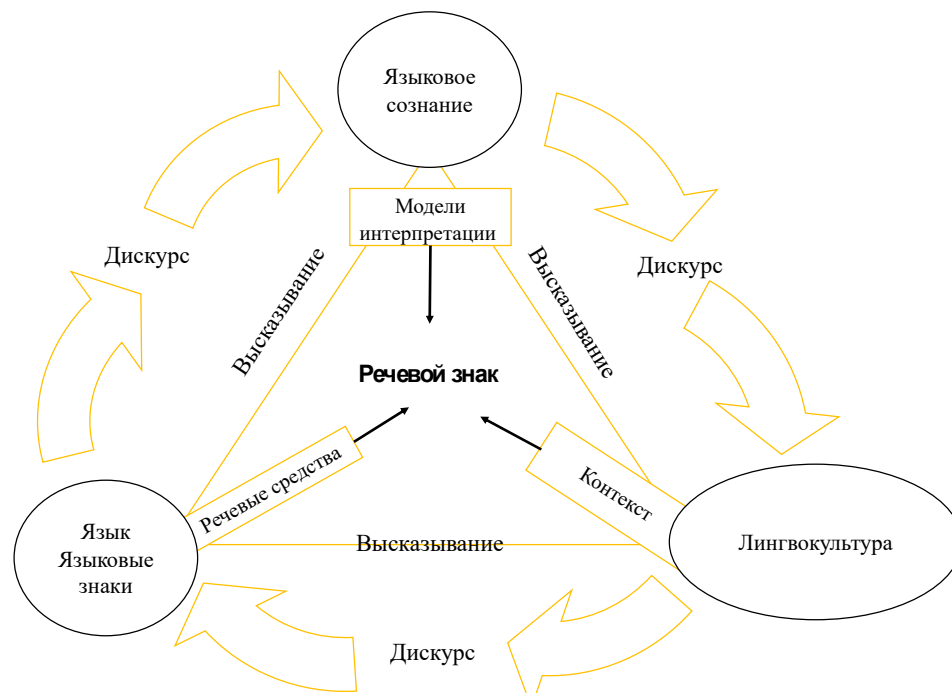

Рисунок 1 – Речевой знак в триаде *языковое сознание – язык – лингвокультура*

Устойчивыми «формами построения целого» выступают: 1) модель интерпретации, которая формируется в речевых взаимодействиях и является одним из возможных коллективно выработанных способов интерпретации; 2) речевые средства или ресурсы интерпретации, усвоенные в дискурсивных практиках и соотносимые с определенной сферой социального опыта; 3) составляющие контекста из выработанных дискурсивно знаний об объекте речи, релевантных актуальной коммуникативной ситуации, в том числе мнения, ценности и культурные установки, разделяемые коммуникантами. *Значимость* речевого знака устанавливается фактом использования конкретных речевых средств из репертуара возможных и определяется дискурсом как средой производства и воспроизводства материальных знаков.

Бессубъектность. Под бессубъектностью понимается нейтрализация индивидуального начала в дискурсе незаметным и поэтому естественным для говорящего образом (Фуко 2004). Получая дискурсивно знания об абстрактном феномене, субъекты усваивают также и опыт того, как явление ранее интерпретировалось другими представителями лингвокультуры. В ракурсе бессубъектности индивидуальное новое знание об объекте речи не нарушает условий релевантности, так как возникает из произнесенного, типичного и узнаваемого каждым членом лингвокультурного сообщества.

Регулятивность. Регулирующее действие дискурса, осуществляемое через социальные конвенции развертывания дискурсивных практик, постулирует концепция *диспозитива* (М. Фуко, З. Ягер). Конфигурация знаний, активированных в коммуникативной ситуации и общих для ее участников, определяет порождение одних, а не других высказываний. Благодаря многократному воспроизведению в дискурсивных практиках общее знание становится *естественным* и «очевидным» для коммуникантов, тем самым, обуславливает индивидуальную интерпретацию.

Исследование *диспозитивности дискурса* позволяет сфокусировать анализ на том, что индивидуальное «видение» объекта речи в сфере социального опыта предопределяется сформированными у субъекта как представителя лингвокультурного сообщества представлениями о значимых условиях оречевления.

Утверждается, что *диспозитивность* является когнитивно-конструктивной категорией, сущностные характеристики которой наиболее глубоко раскрываются в анализе дискурса объекта.

Дискурс объекта представляет собой сформированную в определенных социо- и лингвокультурных условиях и реализуемую в кореферентных высказываниях систему когнитивных и лингвистических ресурсов для интерпретации социального феномена [Чернейко 2005]. В речевых взаимодействиях неясные идеи постепенно входят в сферу повседневного знания, обретают когнитивный и лингвистический репертуар для выполнения конкретных коммуникативных задач (Р. Водак, С. Московичи). Знакомые и привычные для представителей лингвокультуры метафорические образы предопределяют направление интерпретации новых фактов, возникающих в сфере повседневного знания об объекте [Potter 1996].

Идеи и представления аккумулируются в *социокультурном конструкте*, трактуемом как познавательная координата производства высказываний [Бергер 1995; Брагина 2006], которая складывается в определенной лингвокультурной среде и по мере необходимости интегрируется в дискурсивные условия интерпретации. Формирование социокультурных конструктов посредством лингвистических и нелингвистических практик представляет дискурс объекта реализатором определенного ракурса интерпретации объекта речи, который предопределяет порождение одних, а не других высказываний.

Конститутивными признаками категории являются синхронные динамические состояния речемыслительной деятельности: *когнитивное варьирование* и *дискурсивная регулярность* (см. Рисунок 2).

Рисунок 2 – Конститутивные признаки диспозитивности

На рисунке представлены конститутивные признаки диспозитивности в двуединстве условий выбора речевого знака субъектной и бессубъектной природы: общекогнитивных и дискурсивных.

Когнитивное варьирование означает способность конфигурировать концептуальное содержание различными способами языкового представления в соответствии с пониманием говорящим (концептуализатором) актуального события и ситуации [Филлмор 1988; Taylor 1995]. Варьирование обуславливается принципиальной нелинейностью когнитивных структур и достаточными когнитивными ресурсами для структурирования опыта. Выбор способа интерпретации объекта речи нивелирует потенциальные варианты и проявляется в аспектах концептуального содержания, выделенных речевым средством.

Оречевление подчинено *дискурсивной регулярности*, под которой в работе понимаются устойчивые следствия повторяющихся коммуникативных ситуаций – сегменты общего знания и их конфигурации, регулярно воспроизводимые в дискурсе. Благодаря общим знаниям дискурс никогда не бывает полностью эксплицитным [Цурикова 2006; Dijk 2008]. Речевой знак адаптируется к лингвокультурной среде конфигурацией контекста – ментальным комплексом из знаний, актуализированных семантикой речевых средств и релевантных коммуникативной ситуации. Как следствие, каждое новое высказывание конгруэнтно общим ценностям лингвокультурного сообщества.

В диссертации утверждается, что анализ категории диспозитивности позволяет раскрыть интерпретирующую природу дискурса и ее идиоэтничность, так как исследуются следующие регуляторы:

- общекогнитивные условия выбора способа осмысления объекта речи, заданные инвариантами интерпретации;
- дискурсивные условия, созданные контекстом из социокультурных идей и представлений и предопределяющие конфигурацию модели.

Анализ диспозитивности призван выявить уникальное воплощение названных условий в речевом знаке, достигаемое через выбор говорящего.

Во второй главе **«Методология и инструменты системного анализа категории диспозитивности дискурса межличностных отношений»** разработана методология исследования диспозитивности дискурса на материале французских, русских и казахских высказываний о межличностных отношениях. В ее основу легли методологические принципы *когерентности контекста, целостности концептуального содержания, иерархичности концептуальной структуры, интеграции дискурсивного и культурного знаний, интеграции дискурсивного и социального действия.*

Межличностные отношения относятся к многогранным феноменам повседневной реальности. Психологи определяют этот тип отношений как взаимодействие между людьми, характеризующееся эмоциональной «устремленностью» на объект отношений (А. А. Бодалев, В. Н. Мясищев). Такая позиция мотивирует нас предложить подход к исследованию высказываний о взаимоотношениях в ракурсе когнитивно-дискурсивного конструирования, а именно считать концептуализацию *значимого устремления* на другого когнитивным событием со-отношения.

Под термином «событие» понимается обобщенный фрагмент среды, отражающий локализованное во времени и пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом и индивидом [Бахтин 1986; Ирисханова 1997]. Когнитивно-семантическая структура события формируется на базе референтных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки [Шабес 1989]. Сцена — совокупность элементов в представлении говорящего, служащая референтом высказывания и концептуальной основой семантики речевых средств [Гак 1998; Колесов 2008].

Единство дискурса межличностных отношений как дискурса объекта обеспечено **событием со-отношения** – моделью, ориентирующей осмысление значимого устремления одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления. В его структуре распознаются два и более объекта в соотносительности друг к другу.

В диссертации акцент сделан на речевых средствах образной номинации межличностных отношений [Телия 1996], которые позволяют выделить состав элементов события со-отношения, их семантические роли и смоделировать инварианты интерпретации абстрактного референта «межличностные отношения». Ср.: *Я к маме сильно привязана. // идти вместе по жизни*. Метафоры, регулярно воспроизводимые в речи, являются рационализированными образами [Стернин 2008]. Они становятся частью механизмов языкового сознания вместе с усвоением значений слов, поэтому оцениваются представителями лингвокультуры как объективные и культурно приемлемые.

Анализ общекогнитивных условий диспозитивности нацелен на выделение инвариантов интерпретации и систематизацию их проявлений в референтных сценах события. Под инвариантом события со-отношения понимается минимальный набор схематизированных элементов концептуального содержания, неизменно сохраняемых в моделях, ориентирующих интерпретацию.

Вариативно-репрезентативный анализ диспозитивности дает основание утверждать, что значимое устремление активизирует модель **интерреляции** (от фр. *interrelation/ взаимосвязь, соотношение*). Интерреляция определяется в работе как ментальный конструкт, репрезентирующий устремление одного субъекта на другого и ожидание ответного устремления. Модель состоит из трех элементов: двух участников (СУЩНОСТЬ 1 и СУЩНОСТЬ 2) и одной из образных схем ПРОСТРАНСТВО, ОБЪЕКТ или ЦИКЛ. Образная схема – паттерн максимальной абстракции, который предопределяет общую логику осмысления объекта речи (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер). Ориентирование смысла об отношениях одной из названных схем выстраивает референтную сцену события (ее участки, характеристики участников, их расположение относительно друг друга).

Соответственно выделены три инварианта интерреляции, обеспечивающие ракурс интерпретации объекта речи сферы межличностных отношений:

- 1) инвариант движения: со-отношение репрезентируется совместным движением к общим целям. Ср.: *путь к настоящей любви*;
- 2) инвариант объекта: событие осмысляется с привлечением опыта манипуляций с материальным предметом. Ср.: *найти настоящую любовь*;
- 3) инвариант цикла: событие представляется состоянием в общем процессе

(природном, физическом, органическом и др.). Ср.: *взрастить любовь*.

Семантико-когерентный анализ диспозитивности призван установить и систематизировать особенности организации референтных сцен, которые осмысляются как модели-варианты, реализующие качественные характеристики инварианта интерреляции. Концептуальный вектор инварианта предопределяет следующие аспекты референтной сцены: 1) фон; 2) фокусный центр; 3) связность; 4) метафорическую модель и ее проекции. Это константные характеристики инварианта, воспроизводимые во множестве вариантов. Например, в разных лингвокультурах следующие высказывания о несамостоятельности взрослого сына интегрируют схожие метафорические образы. Ср.: *Il est encore dans les jupes de sa mère* (букв. он еще в юбках своей матери). // Он держится за юбку своей матери. // *Шешесінің етегінен жабысу* (букв. прилипнуть к подолу матери). Во всех трех примерах в пределах референтной сцены выделены два участника: ребенок и юбка матери. Однако организация фонового содержания различна, что находит отражение в семантике речевых средств. В примере на французском языке фокус внимания высвечивает пространственные координаты *dans les jupes/ в юбках*, активизируется схема КОНТЕЙНЕР. Сцена ориентирована концептуальным вектором инварианта движения: несамостоятельность осмысливается в связи с ограничением движения субъекта, который не движется к личным целям. В русском выражении выделяется способ установления связи между двумя участниками *держаться за*, смысл ориентирован схемами ОБЪЕДИНЕНИЕ, СВЯЗЬ. На первый план выходит инвариант объекта: статическое расположение участников акцентирует необходимость другой связи с другим участником. В казахском выражении детализируется элемент сцены *етек/ подол, нижний край юбки*. Активируются представления о разном росте взрослого и ребенка. Смысл о неподобающем поведении формируется схемой ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ, в контекст вводится содержание о действиях, несоответствующих возрасту.

Реконструкция моделей интерреляции, производимая на основе высказываний на французском, русском и казахском языках, имеет значимость с позиции конфигураций знаний, ставших частью общего знания лингвокультурного сообщества и релевантных для высказываний об объектах речи в сфере межличностных отношений.

Анализ дискурсивных условий диспозитивности нацелен на выявление социокультурных конструкторов, ограничивающих интерпретацию регулярным, значимым и допустимым в каждой из исследуемых лингвокультур. В диссертации предлагается авторская методика восстановления социокультурного конструктора посредством анализа *скриптов, кода субъективной позиции, регулярных метафор*.

Эпистемически-референтивный аспект анализа диспозитивности обнаруживает инференциальные компоненты контекстов. Скрипты представляют собой негласные допущения, условия истинности причинно-следственных связей в смысловых версиях об объекте речи. Они обеспечиваются общим знанием коммуникантов и их индивидуальной интерпретацией культурных установок. Скрипты восстанавливаются с помощью формулы из пяти действий,

выработанной на основе методик анализа инференциальных элементов (А. Вежбицкой, Г. Грайса, Д. Эдвардса).

Ср.: *Mais quel salaud, il n'a même pas payé les croissants! Ну, какой же подлец, он даже не заплатил за круассаны (высказывание девушки о свидании).* Применение формулы базируется на следующих логических рассуждениях:

1. [Он сказал, что <i>p</i>]	<i>Mais quel salaud, il n'a même pas payé les croissants! Ну какой же подлец, он даже не заплатил за круассаны!</i>
2. [Он не мог сказать <i>p</i> , если бы он не считал, что <i>q</i>]	Он не сказал бы так, если бы не считал следующее: обычно люди платят за себя и за девушку на свидании. Правильно каждому платить за себя и предложить заплатить за другого.
3. [Он знает, что я знаю и поэтому могу понять необходимость предположения о том, что <i>q</i>]	Он знает, что его собеседнику известно следующее: неприлично навязывать траты за себя другому. Он понимает, почему возникает ожидание, что парень по меньшей мере заплатит за себя сам.
4. [Он хочет, чтобы я думал (или готов позволить мне думать), что <i>q</i>]	Он готов позволить собеседнику думать так: хорошо, когда люди сами распоряжаются своими тратами.
5. [Итак, он имплицировал, что <i>q</i>]	Он имплицировал, что не может продолжать отношения с парнем, который навязывается другим.

Сочетание значений существительного *salaud/ подлец* для характеристики человека и наречия *même/ даже* в описании поступка активизирует выводное знание о существовании определенных правил этикетного поведения. Говорящий не эксплицирует общепринятые нормы. Невербализованный компонент выступает условием истинности для характеристики деградации отношений.

Оречевление смысла происходит в совокупности мнений, убеждений, ценностных установок говорящего, которая приобретает качество дискурсивной позиции [Карасик 2013]. Под влиянием социокультурных конструкторов определенные дискурсивные позиции становятся типизированными для представителей лингвокультуры. Складываются маркеры дискурсивного кода – множественные речевые средства, восстанавливающие фрагменты знания, обладающие особой ценностью для представителей лингвокультуры [Чепкина 2000]. Выявление маркеров кода субъективной позиции формализуется в работе с помощью последовательности из четырех действий [Грайс 1985; Wierzbicka 2006].

Ср.: *Ауылда бір туысқанымыз қайтыс болғанда әкем барлық інілерін жинап, жалғыз қалған жеңгемізге пәтер алып берді. Қайын жұртын да ешқашан ұмытпайды/ Когда в ауле умер наш родственник, отец собрал всех братьев и отдал квартиру его овдовевшей жене. Он не забывает заботиться даже о ее родных (букв. о роде по линии жены родственника).*

1. [Говоря об этом, он сказал <i>p</i>]	<i>Қайын жұртын да ешқашан ұмытпайды. Он не забывает заботиться даже о ее родных</i>

2. [Он не мог сказать об этом так, если бы он не считал, что *q* необходимо для всех событий, подобных этому]

3. [Говоря *p*, он хочет убедить меня в необходимости *q*]

4. [Итак, он имплицитно, что *p* надо рассматривать с учетом *q*]

Он не мог сказать это, если бы не считал так: *забота отца об овдовевшей родственнице и ее семье свидетельствует о высоких моральных качествах отца.*

Он хочет убедить собеседника в следующем:

правильно преумножать свой авторитет и уважение, не жалеть для этого сил и средств.

Он имплицитно, что *его отец пользуется большим авторитетом среди родственников. Это очень важно для семьи говорящего.*

Значение словосочетания *қайын жұрт/ родня по линии матери* указывает на большую группу родственников. В высказывании о поступке отца говорящий подчеркивает свою убежденность в ценности традиций уважения для семейных и родовых отношений казахов. Тем самым в коммуникативной ситуации акцентируется не только авторитет отца, но и статус семьи говорящего в родовой группе, а также стремление к его поддержанию и укреплению.

Социокультурный конструкт объективируется в дискурсе за счет **регулярных метафор**. Исследование метафорических образов идиоматических выражений позволяет выявить: 1) материальный физический опыт, обуславливающий формирование абстрактных идей в культуре социума; 2) типизированные схемы осмысления говорящими многокомпонентных фрагментов социальной жизни; 3) знания, сложившиеся в культуре вместе с социальным феноменом и ограничивающие метафоризацию.

Например, сравним высказывания о взрослых детях, которые продолжают пользоваться помощью родителей. Ср.: *ils vivent au crochet de leurs parents* (букв. *живут на крючке*) // *они сидят на шее у родителей* // *олар ата-ананың қолында тұрады* (букв. *живут в руке родителей*). Смысл французского высказывания ориентируется схемой СВЯЗЬ: участники сцены (дети) лишены динамики движения, профилируется инструмент удержания (*au crochet*), а также зависимость одних участников отношений от других (*de leurs parents*). В русском выражении обнаруживается стремление к сохранению статического положения одних участников (*сидят*) и обременение других (*на шее у родителей*). Смысл казахского высказывания определяется схемой КРУГ. Происходит переосмысление вовлеченности взрослых детей (*олар тұрады*) в повседневные действия родителей (*ата-ананың қолында*). Метафорический образ каждого выражения профилирует актуальный смысл на фоне несовпадающего общего знания, сложившегося в трех лингвокультурах. Во французском высказывании таковым является убеждение в автономности и самостоятельности совершеннолетних детей, в русском – знания о родительском долге по отношению к детям любого возраста, в казахском – безусловный авторитет родителей.

В третьей главе «**Модели интерреляции в дискурсе межличностных отношений**» рассматриваются объектно-событийные форматы представления смыслов о межличностных отношениях в зависимости от ориентирующего инварианта интерреляции.

Модель интерреляции с инвариантом движения СУЩНОСТЬ 1 – ПРОСТРАНСТВО – СУЩНОСТЬ 2 наделяет участников референтной сцены динамическими и пространственными характеристиками (см. Рисунок 3).

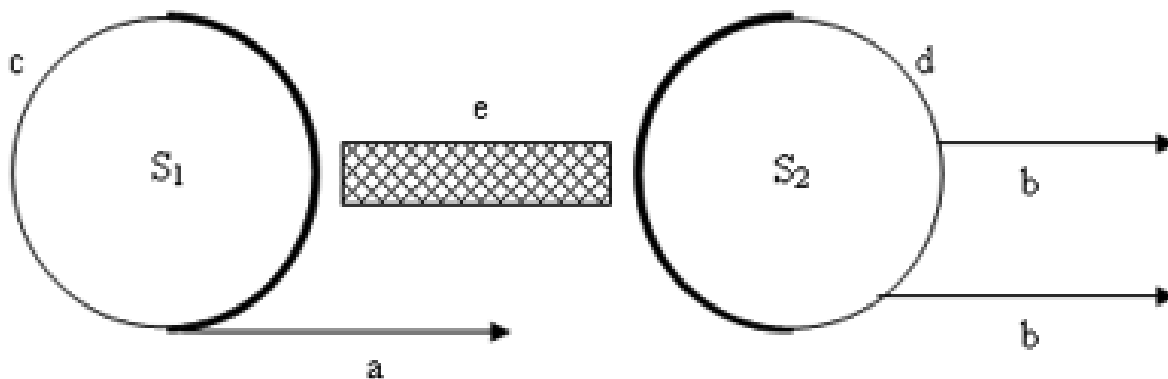

Рисунок 3 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант движения

Со-отношение между двумя объектами представляется как *стремление двигаться в одном направлении* (векторы *a*, *b*). Значимым атрибутом сцены становится расстояние, позволяющее свободное движение (зона *e*), визуализируются траектории и границы участников (дуги окружностей *c* и *d*).

Смыслы об отношениях интерпретируются в речевых средствах, отсылающих к физическому опыту перемещения к совместным целям. Ср.: *Il était celui avec lequel je pourrais tout vivre, tout traverser/ Он был тем, с кем я могла бы все пережить, все преодолеть (букв. пересечь). // сохранить желание двигаться дальше // Күйеуінің жүрегін жаулағысы келген келін енесінің жүрегіне жол табуы тиіс/ Невестка, желающая завоевать сердце мужа, должна найти путь к сердцу свекрови.*

Концептуальными векторами организации референтной сцены становятся схемы, обобщающие эмпирический опыт согласованного / несогласованного движения: ПУТЬ, ДИСТАНЦИЯ, ТРАЕКТОРИЯ, ЦЕЛЬ, ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД, СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ и т. д.

Значения, репрезентирующие интерреляцию движения, представлены двумя группами речевых средств: 1) глаголами и существительными с семами движения (*aller, пройти, келу, pas, шаг, қадам*), а также прилагательными с семантикой акциональности (*direct, ашық*); 2) существительными с пространственной семантикой (*bord, côté, границы, сторона, шекара, сызық*). Во французском и русском языках интерреляция движения также объективируется предложениями. Ср.: *Identifier les points qui le freineraient/ Выяснить проблемы, которые притормаживают его. // être dans la relation // быть в отношениях.*

Инвариант движения реализуется в трех лингвокультурах в виде двух **концептуальных метафор** ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ и ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ. Концептуальный вектор предопределяет расширение метафорических проекций за счет атрибутов «динамика движения», «границы». Создается ограничение на развитие положительных импликаций в высказываниях с образами несоблюдения границ или преград для свободного

передвижения участников.

Концептуальная метафора **ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ** имеет следующие расширения. Стремление к гармоничным отношениям акцентируется посредством проекции **ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ**. Ср.: *Сколько еще необходимо сделать шагов, чтобы прийти к нормальным отношениям?* Смыслы о сомнениях и неуверенности в чувствах партнера активируют образы замедления движения. Развиваются проекции **УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – СНИЖЕНИЕ СКОРОСТИ** и **ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ОСТАНОВКА ДВИЖЕНИЯ**. Ср.: *ralentir votre relation/ замедлить отношения // Неке ерлі-зайыптылар бұлай өмір сүруге болмайтынын түсінген кезде тоқтайды/ Как только супруги понимают, что так жить больше нельзя, брак заканчивается* (букв. останавливается). Интерпретация смыслов об усилиях, предпринимаемых участниками отношений, активирует проекции **УЛУЧШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУТИ, ИЗМЕНЕНИЯ К ЛУЧШЕМУ – ДВИЖЕНИЕ ИЗ КОНТЕЙНЕРА**. Ср.: *inverser la tendance* (букв. развернуть вспять) // *Как выйти из плохих отношений?* Метафорическая проекция **НЕЖЕЛАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ – ДВИЖЕНИЕ ОТ СУБЪЕКТА** ориентирует смыслы о действиях, направленных на прекращение отношений. Ср.: *Ол адамның жолынан кетіп, бұл сезімді ұмыту/ Уйти с дороги этого человека и забыть о чувствах к нему.*

Метафорическая модель **ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ** регулярно используется в интерпретации смыслов о неприемлемости назойливости, настойчивого внимания или опеки со стороны других. Опыт близкого размещения становится источником для акцентирования дискомфорта в отношениях. Развиваются проекции **ОТНОШЕНИЯ – ДИСТАНЦИЯ** и **КОНФЛИКТЫ – НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦ**. Ср.: *Elle est fort 'après lui'/ Она постоянно рядом* (букв. слишком рядом) // *жабысқақ адамдар/ люди-липучки*. Образы непротивления нарушению личных границ акцентируют смыслы о доверии в отношениях. Ср.: *ең жақын досым/ мой самый близкий друг*.

Модель интерреляции с инвариантом движения является когнитивным ресурсом интерпретации смыслов о взаимодействии людей с общими интересами, сходными целями и мотивами.

Модель интерреляции с инвариантом объекта **СУЩНОСТЬ 1 – ОБЪЕКТ – СУЩНОСТЬ 2** представлена на Рисунке 4.

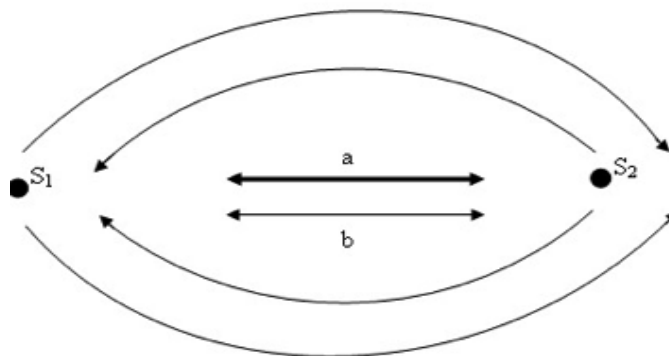

Рисунок 4 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант объекта

Участники со-отношения (S1 и S2) имеют статические характеристики. Значение имеет то, что сохраняет статическое положение и удерживает участника в зоне взаимодействия (дуги, исходящие из S1 и S2). Возможно движение относительно линии вертикальной осевой симметрии (элементы а и b) в пределах зоны.

Значимыми атрибутами референтных сцен становятся характеристики объекта. Ср.: *trouver un bon partenaire/ найти хорошего партнера // Мені тастан, басқаға кетеді/ Он бросит меня, уйдет к другой*. В пределах референтных сцен фокус внимания направлен к предмету, который объединяет участников, является инструментом сохранения положения. Ср.: *attachement/ привязанность // родственные узы // байланыс/ связь*. Профилируется участок сцены, расположенный между участниками. Ср.: *Autant de malentendus entre nous!/ Столько непонимания между нами! // аралары жақсы (букв. между ними хорошо)*. Репрезентация активизирует представление об измеримости пространства между ними. Если оно больше некоего предела, со-отношение прекращается. Ср.: *отдалиться // енді қауышпайтындай екі жаққа кетіңіз/ расстаньтесь раз и навсегда (букв. в две стороны уходите)*.

Концептуальные векторы инварианта объекта реализуются в референтных сценах схемами ВЛАДЕНИЕ, ОБЪЕКТ ВЛАДЕНИЯ, ОБЩИЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗЬ, РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ, ОБЪЕДИНЕНИЕ.

В трех лингвокультурах выделены четыре группы средств, реализующих инвариант объекта: 1) с семантикой контроля и перемещения материальных предметов (*perdre, offrir, потерять, дарить, айырылу, сыйлау*); 2) с семантикой действий по созданию объекта, а также материальных характеристик и свойств объекта (*construire, строить, орнату*); 3) с семантикой собственности, «неотчуждаемой» собственности (*сердечко мое, бауырым (букв. моя печень)*); 4) отсылающих к сфере знаний об инструментах, выполняющих функцию удержания, и к действиям со связующими предметами (*tisser, завязать, байланысу*).

Метафоры ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ, ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ закрепляют ассоциацию эмоционального комфорта нахождения человека рядом и физического опыта манипуляций с ценными предметами. Инвариант объекта накладывает ограничения на активацию значений самостоятельного движения субъекта от объекта устремления.

Репрезентация смыслов об отношениях происходит с привлечением адаптора-объекта [Крейдлин 2004], так формируется **метафорическая модель ОТНОШЕНИЯ – СВЯЗЬ**. Этот аспект представлен в системе реализуемых проекций ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ПРОЧНАЯ СВЯЗЬ и ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – НЕПРОЧНАЯ СВЯЗЬ. Ср.: *lien tendu/ напряженность в отношениях // крепкие связи*. В высказываниях о невозможности общения объективируется проекция ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – РАЗРЫВ СВЯЗИ. Ср.: *Après vous être déchirés pendant un long moment vous avez décidé ... / С тех пор как вы давно расстались (букв. разорвали), вы решаете...* Лексемы, указывающие на адапторы-объекты высокой прочности (*цепи, оковы, кандалы*), вводят к контекст смыслов об обязательствах, приоритете общего благополучия над

личными желаниями. Ср.: *Сондықтан бәрі бір-бірімен шынжыр сияқты байланысты* (букв. поэтому все связаны друг с другом как цепью).

Образ непосредственного физического контакта с опорой на адаптор *рука* становится способом выразить взаимопонимание и заботу друг о друге. Формируется метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ РУКАМИ. Ср.: *қол беру/ содействовать* (букв. подавать руку).

Метафорические проекции, развиваемые на базе **метафоры ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ**, восстанавливают материальные признаки соотношения, интерпретируемого схемой ОБЪЕКТ. Проекция ОТНОШЕНИЯ – ЗДАНИЯ позволяет переосмыслить стремление к долгосрочному взаимодействию, имплицировать многократность усилий. Ср.: *Une base solide de confiance se construit/ Строится прочная база доверия*. Проекция ОТНОШЕНИЯ – АТРИБУТЫ ОБЪЕКТА активизирует опыт манипуляций с материальными предметами. Ср.: *получить в ответ равнодушие // Ашуға булығып тұрған күйде арадағы қатынасты талқандауға асықпаңыз* (букв. в порыве гнева опасайтесь разбить вдребезги отношения с супругом). Репрезентация отношений в образах поглощения пищи складывается в проекцию ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЕДА. Ср.: *Essayer de pimenter régulièrement les échanges* (букв. стараться регулярно приправлять общение). Переживание плохих, мучительных отношений закрепляется в значениях о пище, которая опасна для жизни человека. Ср.: *токсик қарым-қатынас/ токсичные отношения*.

Модель интерреляции с инвариантом объекта – система когнитивных ресурсов для интерпретации смыслов об отношениях партнеров, стремящихся к общности, единению.

Модель интерреляции с инвариантом цикла **СУЩНОСТЬ 1 – ЦИКЛ – СУЩНОСТЬ 2** представлена на Рисунке 5.

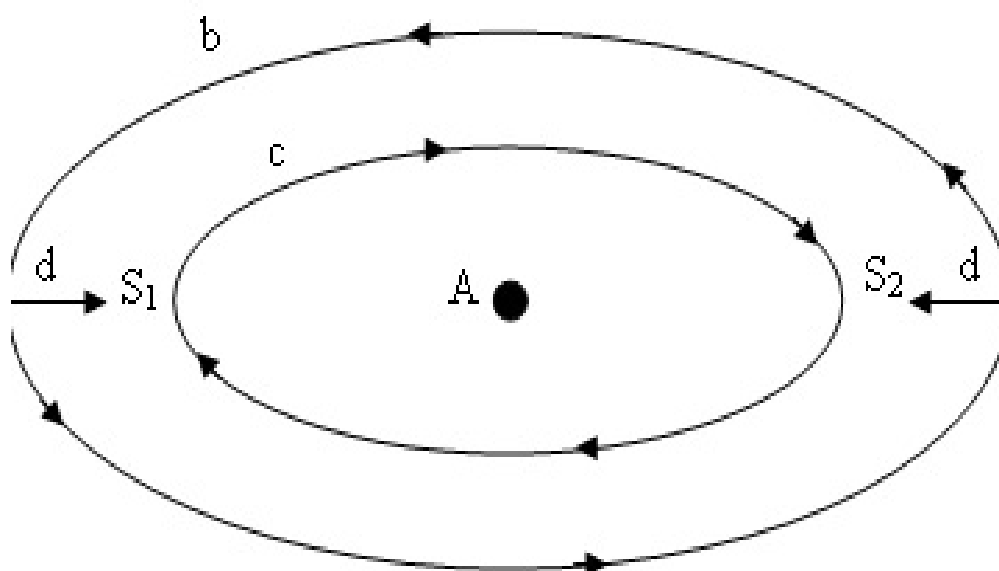

Рисунок 5 – Комплекс взаимосвязанных представлений, организующих инвариант цикла

Участники (S1 и S2) являются частицами общего процесса, объединенными центростремительной силой циклического движения. Поэтому их собственные

характеристики затемнены. Признаки и свойства сферы взаимодействия выделены сильнее (круговые стрелки *c*, *b*). Центростремительная сила (векторы *d*), внешняя по отношению к участникам, является значимым атрибутом события. В организации референтной сцены выделяется центр (точка А).

Со-отношение интерпретируется в образах состояний, где элементы в составе целого не различаются, т.е. образы слияния, смешения. Ср.: *pourrir votre relation de couple/ испортить отношения между партнерами. // закрутило страстями // Ол жаңа ұжымға сіңіп кетті* (букв. он пропитался новым коллективом).

Концептуальные векторы инварианта цикла реализуются в референтных сценах схемами ПРИРОДНОЕ РАЗВИТИЕ, ФИЗИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС, ЦИКЛ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ, КРУГ, ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ, ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. Если линейная последовательность предполагает сменяемость (прошедшее уступает место новому), то в логике цикла изменение происходит как появление не нового, а подобного. Прежнее органично растворяется или перерождается в новом. Ср.: *cultiver une relation/ развивать отношения // Любовь превратилась в привычку. // неке бұзылады/ брак распадается* (букв. тухнет). Качественные характеристики референтных сцен предопределяются значимостью постоянства, продолжительности, повторяемости.

В трех лингвокультурах инвариант цикла реализуют пять групп речевых средств: 1) указывающие на естественные процессы растений (*cultiver, pourrir, развиваться, портиться, бұзылу, өсу*); 2) отсылающие к знаниям о стадиях развития и жизнедеятельности человека или животного (*saine, здоровый, сау*); 3) передающие знания о физических процессах (*assombrir/ омрачать, раствориться, үндесу/ звучать вместе*); 4) обобщающие опыт восприятия внешней среды органами чувств (*se sentir, чувствовать, видеть, көрсету*); 5) имеющие семантический компонент «движение по кругу» (*entourer, вращаться, айналдыру*).

Метафорическая модель ОТНОШЕНИЯ – ПРИРОДНЫЙ ПРОЦЕСС выстраивается на ассоциативной связи между эмоциональным состоянием субъекта и опытом переживания природных явлений. Ср.: *Leur relation mûrit/ их отношения становятся зрелыми*. Представления о физических процессах, происходящих с природными материалами, позволяют переосмыслить бережное отношение друг к другу. Ср.: *Мақтауға малынған еркек алға жылжиды* (букв. пропитанный похвалой мужчина вперед идет, т. е. следует не забывать говорить мужу о его достоинствах).

Необходимость взаимных усилий для гармоничных отношений переосмысливается в метафоре **ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО**. Ср.: *Le couple doit trouver un nouveau souffle* (букв. пара должна найти новое дыхание).

Возможность визуального, аудиального или сензитивного контактов возникает у участников события вследствие целого комплекса процессов (природных, социальных, космогонических). Образная интерпретация предопределяется так: если участники воспринимают друг друга органами чувств, то между ними происходит взаимодействие. Данные представления обобщаются

в метафоре **ОТНОШЕНИЯ – ПЕРЦЕПТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ**. Ср.: *Она очень чуткий человек.*

Метафора **ОТНОШЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ** формируется на основе соотнесения эмоциональной устремленности на другого и опыта регулярных действий, направленных на заботу о партнере. Ср.: *Айналайын!/ Милый! (обращение с чувством любви от айналу/ крутиться).*

Модель интерреляции с инвариантом цикла представляет собой когнитивные ресурсы интерпретации взаимодействий людей, объединенных общим процессом, внешним и независимым от их индивидуальных поступков и желаний.

Диспозитивность дискурса обеспечивает оречевление соответствующими системами ресурсов в пределах одного из трех инвариантов. Однако анализ продуктивности моделей интерреляции демонстрирует наряду с однотипными и **культурно-специфичные проявления** в зависимости от идей и ценностей, сложившихся в сфере межличностного взаимодействия.

Во французской лингвокультуре культурно-специфичным проявлением модели **ОТНОШЕНИЯ – СОПОЛОЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ** является проекция **КОНФЛИКТ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ**. Ср.: *Nous devons tous faire front face à ces comportements/ Мы всеми силами боремся с подобными поступками.* Метафорическая проекция **ОТНОШЕНИЯ – ФИНАНСОВАЯ ОПЕРАЦИЯ** с инвариантом объекта в основе вводит в контекст облигаторность ответного действия на заботу, помощь со стороны партнера. Ср.: *Il semblait s'investir pour cette relation/ Казалось, что он вкладывался (букв. инвестировал) в эти отношения.*

В высказываниях на русском языке метафорические проекции **КОРОТКАЯ СВЯЗЬ – ОГРАНИЧЕНИЕ, ДЛИННАЯ СВЯЗЬ – ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ** регулярно ориентируют смыслы о контроле одного участника отношений другим. Ср.: *держат на коротком поводке.* Образы привязи вводят в контекст смыслы о неравновесном распределении ответственности между партнерами.

В казахской лингвокультуре метафорические проекции **ГАРМОНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ХОРОШИЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ, ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПЛОХОЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ** детализируют мимические движения, по которым участники коммуникации «считывают» внутреннее состояние друг друга. Ср.: *жақсы көру/ любить (букв. хорошо смотреть) // көзіне шөп салу/ изменять жене (букв. в глаза ей траву кидать).* Нежелание поддерживать отношения интерпретируется как стремление избежать визуального контакта. Ср.: *бас тарту (букв. голову в сторону тянуть).* Проекция развивается на основе идеи о стремлении партнеров быть внимательными к настроению друг друга.

В казахской лингвокультуре уважение достоинств партнера наполняет культурно-специфичным содержанием метафору **ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ**. Проекция **УВАЖЕНИЕ – ОДАРИВАНИЕ** репрезентирует признание авторитета и заслуг партнера в образе ценного предмета. Ср.: *Бұған ата-анаға тиесілі сый-құрмет те кіреді/ Сегодня под этим понимается уважение родителей (букв. доля,*

которая должны быть отдана родителям). // сыйга тарту/ одаривать (букв. тянуть для уважения/ подарка).

В четвертой главе «Лингвокультурная специфика моделей интерреляции» раскрываются дискурсивные условия диспозитивности дискурса межличностных отношений.

Эпистемически-референтивный анализ диспозитивности выявляет социокультурные конструкты *личное пространство, общность, родовая группа*, которые интегрируются в дискурсивные условия интерпретации объектов речи сферы межличностных отношений во французской, русской и казахской лингвокультурах соответственно. Каждый из конструктов аккумулирует общее знание о последовательности, причинах и мотивах действий участников отношений.

Конструкт личное пространство и интерреляция движения имеет особую значимость для французского дискурса межличностных отношений. Под личным пространством в диссертационном исследовании понимается комплекс идей о личности как самодостаточном члене социума, ценностном отношении к ее правам и свободам [Хьелл 1997; Beaulieu 2004]. Качественная характеристика событий сферы межличностных взаимодействий – *необходимость учета интересов партнера и рационализации совместных усилий* – представлена во французских контекстах следующими скриптами.

Скрипт согласованного действия – невербализованное содержание о необходимости согласования личных целей, интересов и мотивов партнеров. Возникает в высказываниях о межличностных отношениях в результате: 1) использования речевых средств, семантика которых отсылает к знаниям о правовых и общественных нормах (*droit/ право, légitime/ законный*); 2) актуализации значений с компонентами «эквивалентность», «согласие партнера на действие» (*s'accorder/ согласовать*). Ср.: *Et quand bien même vous voudriez plaire, ça reste votre droit légitime/ Тем более нравится (букв. хотеть нравится) — остается вашим законным правом*. В последнем примере сочетание семантики речевых средств *vouloire plaire/ хотеть нравится* и *droit légitime/ законное право* устанавливает соответствие между причиной конфликта и правовыми нормами. Скрипт «заполняет» компонент контекста о допустимости желания одного партнера нравится другим, несмотря на возражения со стороны другого участника отношений.

Скрипт личной автономии – невербализованное содержание об уникальности личностей каждого из партнеров и, как следствие, допустимость несовпадения их мнений. Возникает в результате: 1) использования речевых средств, указывающих на личные приоритеты в высказываниях о конфликтах (*dans mon habitude/ в моих привычках*); 2) активации значений с компонентом «возможность» в высказываниях-советах (*la possibilité/ возможность*); 3) использования глаголов желания (*vouloir/ хотеть*) в контекстах о долженствовании; 4) введения различных указаний на личное мнение говорящего при апелляции к общеизвестным правилам и нормам (*je crois/ я считаю*). Контексты о настойчивости или ином давлении на субъекта приобретают негативные импликации. Ср.: *Pourtant je ne supporte pas qu'il m'engueule pour ça,*

car depuis toujours je fait des grasses mat'/ Однако я не выношу, что он скандалит из-за этого, потому что я всегда долго сплю по утрам. Семантика составного наречия *depuis toujours*/ уже всегда в описании действий *des grasses mat'*/ оставаться в постели порождает смыслы о несоответствии реакции партнера и активизирует ожидание более уважительного отношения. Общее знание о личности ограничивает интерпретацию недопустимостью посягательств на чью-либо уникальность.

Скрипт рационального действия – невербализованное содержание о способности участников отношений соотносить действия с личными целями, оценивать последствия. Обеспечивается использованием речевых средств со значением «волеизъявление» в контекстах о желаниях и поступках партнеров. Ср.: *J'imposerais ta volonté à ma famille leur expliquant mon besoin de choisir mon avenir*/ Я изложил бы то, что я хочу своей семье, объяснял бы, что мне самому выбирать свое будущее. Значение существительного *volonté*/ воля, решение профилирует обдуманность намерения. Сочетание значений *volonté*/ воля и *expliquer*/ объяснить способствует возникновению смыслов о потенциальной возможности убедить семью. Последнее обеспечивается знанием о рациональности действий человека, его способности понимать мотивы и резоны другого.

Во французском дискурсе межличностных отношений складывается код **свободного выбора** – указания на убежденность говорящего в том, что каждый самостоятельно определяет систему ценностей и руководствуется ею в своих действиях. Речевыми средствами-маркерами кода свободного выбора являются: 1) лексемы, в значении которых есть сема «выбор» (*choisir*/ выбирать); 2) лексема *libre*/ свободный в функции атрибута действия; 3) причастие *pas motivé*/ не мотивирован в высказываниях о намерениях субъекта. Ср.: *Il faut qu'elle assume ses choix*/ Пусть она несет ответственность за свои поступки (букв. взять на себя свои выборы). Данная прагматическая характеристика французских высказываний ограничивает интерпретацию смыслов о взаимоотношениях неприемлемостью какого-либо давления.

Специфика социальных взаимодействий, сложившаяся во французском обществе, обуславливает **рационализацию образа морского путешествия в метафорах французского дискурса межличностных отношений**. Архетипический образ путешествия проецирует в дискурс мифотворческий «сюжет» обособленности индивида в процессах социализации. На базе метафорической модели ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ развивается проекция ОТНОШЕНИЯ – МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Ср.: *Il faudrait d'abord démarrer la relation en douceur*/ Следовало бы начинать отношения (букв. отшвартоваться) не торопясь. Морская метафора позволяет акцентировать присоединение к мнению другого (*marcher dans les eaux de*/ разделять чье-то мнение (букв. ходить в чьих-то водах)), принадлежность двум культурам вследствие межэтнического брака (*être entre deux rives*/ быть меж двух берегов) и др.

Модель интерреляции с инвариантом движения становится ресурсом интерпретации межличностных отношений в ракурсе знаний о неприкосновенности личной автономии. Ср.: *Estimer que les gens en dehors du foyer sont forcément des gros lourds...*/ Считать, что другие люди (букв. вне твоего

дома) абсолютные душилы... В высказываниях о праве субъекта на личную жизнь востребованы лексемы, значения которых имеют семантический компонент «ограничение» (*les limites/ пределы, la distance/ дистанция*).

Интерреляция движения позволяет адаптировать контекст высказывания общему знанию о приватности каждого из участников отношений.

Социокультурный конструкт общность в русском дискурсе и интерреляция объекта. Под конструктом *общность* в данной работе понимается комплекс идей о приоритете общих интересов над индивидуальными, а также о ценностном отношении к эмоциональному взаимодействию партнеров, их единстве. События сферы межличностных отношений имеют следующую *качественную характеристику*: участники отношений испытывают схожие переживания, у них общие интересы, мотивы, цели.

Скрипт сопричастности – невербализованное содержание о причастности одного из участников отношений к событиям, происходящими с другим. Возникает в контекстах высказываний о родных и близких за счет использования: 1) личных местоимений (*у меня, у нас*); 2) инклюзивного *мы* вместо *я*; 3) притяжательных местоимений, указывающих на говорящего, в сочетании с лексемами, обозначающими родственников (*моя мама, мой брат*); 4) речевых средств с семей принадлежности (*собственный, родной*) в сочетании с номинациями родственников по факту рождения (*сын, мать*). Ср.: *Мы с братом (вместо я и брат) увлекаемся единоборствами. // А сынок у нас химик*. В последнем примере сочетание местоимения с предлогом *у нас* и лексемы *химик* устанавливает соответствие между профессиональной специализацией близкого человека и говорящим. Соответствие порождает ожидание о неких действиях говорящего, направленных на сына. Обоснование ожиданий приводит к возникновению содержательных компонентов о вовлеченности говорящего в успехи сына.

Скрипт созависимости – невербализованное содержание об эмоциональной потребности в партнере, приоритете эмоциональных переживаний над целенаправленными действиями. Возникает в результате использования: 1) лексем с семантическим компонентом «не имеющий рационального объяснения» (*нереальный, мистический*); 2) идиоматических выражений со значением «неспособность обдумывать решения» (*потеряла голову*); 3) безличных конструкций в описании действий говорящего; 4) определительных местоимений (*сам, сама*), их сочетание с возвратными местоимениями (*сама себе*); 5) семантики долженствования в высказываниях об общеизвестных нормах поведения, а также для выражения просьбы. Ср.: *Он же мужик, он должен...* Скрипт делает допустимыми гиперболизацию эмоционального состояния и взаимозависимости партнеров по отношениям. Ср.: *И тут появился он, невозможный красавец, чувства захватили меня полностью*. Сочетание семантики прилагательного *невозможный* и существительного *красавец* устанавливает соответствие между чувством симпатии к новому знакомому и нерациональностью. Допустимость положительной оценки неконтролируемых эмоций в высказывании обеспечено общим знанием: влюбленный человек сосредоточен на объекте устремления, не на личных

интересах.

Скрипт единения – невербализованное содержание о том, что партнеры гармоничных отношений имеют схожие идеи, желания, обретают привычки друг друга. Скрипт возникает в результате использования сенсем (*чувствовать, слышать* и др.) в интерпретации смыслов о взаимодействии. Ср.: *Ей безразлично все, что я делаю*. Невербализованный компонент о единении позволяет сопоставить незаинтересованность и плохие отношения.

Код эмоциональной общности в русском дискурсе межличностных отношений – указания на убежденность говорящего в ценности эмоциональной составляющей для гармоничных взаимоотношений. Речевыми средствами-маркерами кода становятся: 1) семантика перцептивного восприятия, используемая в высказываниях о взаимопонимании (*чувствовать, слышать* и др.); 2) значения лексем с компонентом «эмоциональная реакция» (*обидеться*) в интерпретации смыслов о расхождении мнений, несогласии; 3) лексика с семантическими компонентами «эмоциональное поведение» в описании событий. Гиперболизация физических и моральных страданий акцентирует значимость события. Ср.: *Я все нервы себе вымотала, пока у него эти вступительные прошли*. Использование идиоматического выражения *все нервы вымотала* ограничивает негативную оценку содержания адресатом: какими бы ни были результаты, сделано все возможное.

Модель интерреляции с инвариантом объекта адаптирует контексты высказываний общим знаниям о сглаживании личных границ участников отношений, их единении. Привязь (предмет для связывания) является **рационализированным образом**, заданным социокультурным конструктом *общность*, который проецируется в русский дискурс межличностных отношений. Ср.: *семейные скрепы // хитросплетение отношений*.

Переосмысление потребности в эмоциональных связях на основе опыта ухода за животными формирует культурно-специфичную проекцию ОТНОШЕНИЯ – УДЕРЖАНИЕ ЖИВОТНОГО. Ср.: *держат в узде // заарканить мужчину*. Метафора связи является способом переосмыслить неприемлемое поведение. Ср.: *разнузданный* (от узда). Образ связи востребован в выражениях о нежелании или опасении контактировать с субъектом. Ср.: *Чего она ко мне привязывается!*

На основе метафоры ОТНОШЕНИЯ – ОБЪЕКТ развивается культурно-специфичная проекция ПАРТНЕР – ЦЕННЫЙ ПРЕДМЕТ. В высказываниях о поиске партнера регулярно используются речевые средства, значения которых имеют коннотации труднодоступности, ценности приобретения. Ср.: *Где раздобыть мужчину своей мечты?*

Социокультурный конструкт родовая группа в казахском дискурсе и интерреляция цикла. Космогонистические верования и тенгринизм, образ жизни кочевников приводит к слиянию личных, родственных и социальных взаимосвязей в ключевой для казахской культуры конструкт – *родовую группу* [Коянбаева 2011; Савин 1999]. Приоритет родовой группы над нуклеарной семьей закрепляется во внутренней форме слов. Например, от корневой морфемы *құт* (*богатство, изобилие*) образуются названия родственников по браку (*құдалар/*

сваты).

Под социокультурным конструктом *родовая группа* в работе понимается комплекс идей о приоритете интересов рода над личными интересами, ценностном отношении к благополучию родственников. Идеи аккумулируются в следующей *качественной характеристике* событий: взаимодействие участников происходит на фоне широкого и вневременного контекста из мнений родственников, друзей, а также предков, высших сил и т.д. Названный конструкт в контексте казахских высказываний представлен следующими скриптами.

Скрипт ориентированности на группу – невербализованное содержание о ценности одобрения группы для участников отношений. Возникает за счет использования: 1) лексем с семантическим компонентом «группа людей» (*жұрт/ род* и др.); 2) лексем *дұрыс/ правильно, жән/ правильный* в описании поступков. Ср.: *Жұрт не дейді/ Что люди (букв. род) скажут. // Сол отбасыға сіңу керек, сол әулеттің-елдің заңына бағыну керек. Необходимо ассимилироваться в этой семье (букв. пропитаться этой семьей), приспособиться (букв. покориться, примириться) к законам этой семьи и людей (букв. этой династии и народа).* В последнем примере сочетание значений речевых средств *әулеттің-елдің заңы/ законы династии, отбасыға сіңу/ пропитаться семьей* и *бағыну/ покориться* устанавливает соответствие между смысловыми компонентами «подчинение», «уклад новой семьи». Скрипт восстанавливает причинно-следственную связь за счет знаний о неизбежности частых контактов с новыми многочисленными родственниками и значимости их мнения для счастливой семейной жизни.

Скрипт ориентированности на традицию – невербализованное содержание о необходимости соотносить действия субъекта с обычаями и традициями казахской культуры. Возникает в контексте в результате использования: 1) лексем, значение которых отсылает к культурно-специфичному знанию о структуре казахской родственности, в описании причин тех или иных поступков (*кенже бала/ младший сын*); 2) этикетных формул пожеланий; 3) вводных конструкций, отсылающих к народной мудрости (*деген аталы сөз/ так старики говорят*). Ср.: *Төркіншіл келінді дер кезінде жәнге салу керек/ Невестку, слишком привязанную к своим родителям, необходимо призвать к порядку (төркіншіл/ часто посещающая родителей от каз. төркін/ отцовский род для замужней женщины).* Общие знания, привлеченные в контекст значением лексемы *төркіншіл*, позволяют инферировать следующее: женщина не стремится стать частью родовой группы мужа, это противоречит традициям, подобное поведение дискредитирует семью.

Скрипт координативного действия – невербализованное содержание о том, что индивиду соотносит свои действия с мнением и действиями других членов родовой группы. Возникает при использовании: 1) лексем-именований родственников; 2) речевых средств, обозначающих нескольких субъектов в составе родовой группы (*екі жақ/ семья жены и семья мужа (букв. две стороны)*). Скрипт обеспечивается культурно-специфичными представлениями о традиционных в казахской культуре семейных отношениях. Ср.: *Қайын жұртым оқытпайтындарын айтты/ Родные мужа сказали, что они не будут меня учить.* В высказывании об отсутствии образования вводится содержание о личностных

качествах говорящего: девушка достойна уважения, поскольку она с почтением относится к мнению родителей мужа. Скрипт восстанавливает компонент контекста: в казахской семье невестка соотносит свои действия с мнением семьи мужа.

Код уважения в казахском дискурсе межличностных отношений подчеркивает ценность уважения и почитания людей для поддержания гармоничных межличностных отношений, что проявляется в речи говорящего. Речевыми средствами-маркерами кода являются: 1) лексема *кісі/ человек, уважаемый человек* в сочетании с местоимением третьего лица *ол/ он, она*; 2) формы обращения к собеседнику, образованные от лексем-именований родственников (*атай, азай, апай* и др. формы вежливого обращения); 3) указания на уважительное отношение со стороны других в высказываниях о качествах человека. Код уважения ограничивает развитие импликаций осуждения. Ср.: *Енеммен, қайынбикеммен, абысыныммен жиі келіспей ренжісіп қала беремін. Ол кісілермен қалай түсінісуге болады?/ Я часто не согласна со свекровью, сестрой мужа и снохой. Как с ними договариваться?* Значение лексемы *кісілер/ уважаемые люди* демонстрирует убежденность говорящего в почитании традиций уважения в семье и имплицитно его стремление к гармоничным отношениям.

Анализ высказываний на казахском языке позволяет констатировать, что модель интерреляции с инвариантом цикла адаптирует интерпретацию объектов речи к познавательным координатам социокультурного конструкта *родовая группа*.

Нами установлено, что **в казахском дискурсе межличностных отношений рационализированные образы огня и круга** проецируют в контексты идею о космогоническом начале рода. Корневая морфема *от/ огонь* входит в состав слов концептуально-тематической области «семья». Ср.: *отбасы/ глава огня // отын жағу/ создать семью (букв. огонь зажечь)*. Метафорическая проекция ОТНОШЕНИЯ – ОГОНЬ регулярно лежит в основе производства смыслов о симпатии к другому. Ср.: *қылығымен жұртқа жағу/ нравится людям своим поведением от жағу/ зажигать огонь*.

Концептуальная рамка интерреляции цикла позволяет представить событие со-отношения как общий для его участников процесс. Формируется культурно-специфическая проекция ОТНОШЕНИЯ – КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. Ср.: *Қас-қағым сәттің қуаныштары бізді жиі шын бақыттыға айналдырады/ Сиюминутные радости часто делают нас по-настоящему счастливыми (букв. закружить в счастье)*.

Один из наиболее ярких примеров социокультурного преломления интерреляции цикла в высказываниях на казахском языке обнаруживается в контекстах, содержащих идиому *айрандай ұю/ скваситься как айран*. Знания о густом, плотном, свежем напитке и, наоборот, жидком, испорченном позволяют метафорически переосмыслить взаимопонимание и конфликты в семье. Развивается культурно-специфическая проекция ОТНОШЕНИЯ – СГУЩЕНИЕ. Ср.: *Арамызда айрандай ұйып отырған отбасылар аз емес/ Среди нас есть много дружных семей (букв. сквасившихся как айран). // айрандай іру/ быть в ссоре (букв. испортиться как айран)*.

Сопоставительный анализ французских, русских и казахских высказываний о ревности, произведенный в заключительном параграфе главы, подтверждает, что интерпретация смыслов о проблемах в отношениях с ревнивцем ограничивается социокультурными конструктами, релевантными для каждой лингвокультуры.

Во французских высказываниях ревность регулярно репрезентируется в образе плохого места, из которого необходимо выйти. Ср.: *sortir de la jalousie* (букв. *выйти из ревности*). Привлечение ресурсов интерреляции движения позволяет придать участникам референтных сцен следующие характеристики: автономность, стремление к активным действиям. Ср.: *C'est un excellent point de départ!* *Это отличный способ начать все заново* (букв. *пункт отправления*). Концептуальные векторы инварианта объекта проявляются в интерпретации смыслов о неприемлемости собственничества. Ср.: *Personne n'appartient à personne!* *Никто никому не принадлежит!*

В высказываниях о ревности на русском языке доминирует модель интерреляции объекта. Ревность представляется предметом плохого качества. Ср.: *избавиться от ревности*. Деструктивное влияние ревности на отношения переосмысливается в образах уничтожения объекта. Ср.: *разрушить отношения*. Улучшение предполагает обретение участниками эмоционального комфорта через переоценку или замену того, чем они владеют. Ср.: *укрепить эмоциональную связь*.

В казахских высказываниях ревность чаще описывается в терминах природных состояний и жизненных процессов. Ср.: *Қызғаныштан құтылу/избавиться от ревности* (букв. *улучшиться, выздороветь от жут благо*) // *Қызғаныш тек жағымсыз толқу және көңілсіздікпен үндеседі/Ревность вызывает* (букв. *перекликается от үн/голос, үндес/созвучие*) *лишь беспокойство и разочарование*. Ревность сравнима с плохим ответным действием на доброту и заботу других.

В пятой главе «**Психолингвистический аспект исследования моделей интерреляции**» модели интерреляции исследуются как единицы языкового сознания, активация которых обусловлена лингвокультурой и дискурсивными практиками индивида. Описываются результаты экспериментального исследования, включающего два этапа.

На первом этапе представлены результаты **неструктурированного опроса** русских и казахских респондентов. Формулируется *задание*, стимулирующее свободную реакцию респондентов: *Расскажите о своей семье*. Ответы респондентов обеих групп принимаются на русском языке. *Целью* опроса является подтверждение *гипотезы* о том, что высказывания о семье казахско-русских билингвов на русском языке будут иметь отличия от высказываний русских респондентов, обусловленные диспозитивностью дискурсов межличностных отношений в русской и казахской лингвокультурах.

Смоделированная ситуация позволяет получить речевые знаки, продуцируя которые, респондент: 1) соотносит себя и другого члена семьи (*моя мама* вместо *мама*); 2) соотносит членов семьи между собой (*мы с братом*); 3) дает характеристику со-отношения (*всегда, вместе*). В качестве исходной принимается

идея о том, что значения местоименных форм и их сочетаний с предложениями осуществляют референцию к событию со-отношения, т. е. выступают речевыми маркерами интерреляции.

С опорой на концепции референциальной семантики местоимений (И. Ю. Граневой, Б. Ю. Нормана, Е. В. Падучевой) было выделено **12 видов речевых маркеров** интерреляции (см. Таблицу).

Таблица – Речевые маркеры интерреляции и участки референтных сцен

№	РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ	РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА	ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНТНОЙ СЦЕНЫ	АКТИВИРУ- ЕМЫЕ ОБРАЗНЫЕ СХЕМЫ
Указания на схему ЦЕНТР				
1	Маркеры выделенности Я-центра	я, мой, мне	Указание на центр референтной сцены	ЦЕНТР
2	Маркеры общности	эксклюзивные мы, наш	Соотнесение центра и других участников	ЦЕНТР
3	Маркеры направленности к Я-центру	для меня, меня / для нас, нам	Внимание направляется от референтного объекта к Я-центру	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР
4	Маркеры направленности от Я-центра	для него, его, ее, их	Внимание направляется от Я-центра на референтный объект	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ
5	Маркеры дистрибутивности общности	каждый	Расположение референта в центре на фоне других объектов	ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ
6	Маркеры выделенности на фоне группы	мы с братом	Выделение нескольких референтов на фоне группы. Границы группы затемнены	ПЕРИФЕРИЯ – ЦЕНТР
Указания на соотнесенность референтов				
7	Маркеры владения	мой, моя	Принадлежность говорящему – условие введения референта в пределы сцены	ВЛАДЕНИЕ
		наш, наши	Принадлежность группе – условие введения референта в пределы сцены	ВЛАДЕНИЕ
8	Маркеры присвоения	у меня	Присвоение качеств референта говорящему	ВЛАДЕНИЕ
		у нас	Присвоение качеств референта семейной группе говорящего	ВЛАДЕНИЕ
9	Маркеры отчуждения	свой, другой, ее, его	Введение в референтную сцену оппозиции свой / чужой	ПРОСТРАНСТВО
10	Маркеры конкретного множества	весь / вся, все	Акцентирование полноты охвата референтов одним признаком, свойством, действием в пределах сцены	ПРОСТРАНСТВО

11	Маркеры совокупности и признаков		Референты в пределах сцены не конкретизированы. Границы сцены затемнены.	ПРОСТРАНСТВО
Пространственный и временной атрибуты со-отношения				
12	Маркеры совместного действия	вместе	Акцентируется пространственное расположение референтов	ПРОСТРАНСТВО
13а	Маркеры непрерывности состояния	всегда	Акцентируется продолжительность состояния	ВРЕМЯ
13б	Маркеры непрерывности действия		Акцентируется вневременная характеристика действия	ВРЕМЯ
13в	Маркеры непрерывности условий		Объединение устанавливается на основе постоянства условий	ВРЕМЯ

Для анализа использования моделей интерреляции были подсчитаны процентные показатели частотности речевых маркеров интерреляции в каждой группе респондентов относительно выбора Я-центра или Мы-центра, а также сопоставлены показатели частотности указаний на совместное действие и непрерывность (см. Рисунки 6, 7).

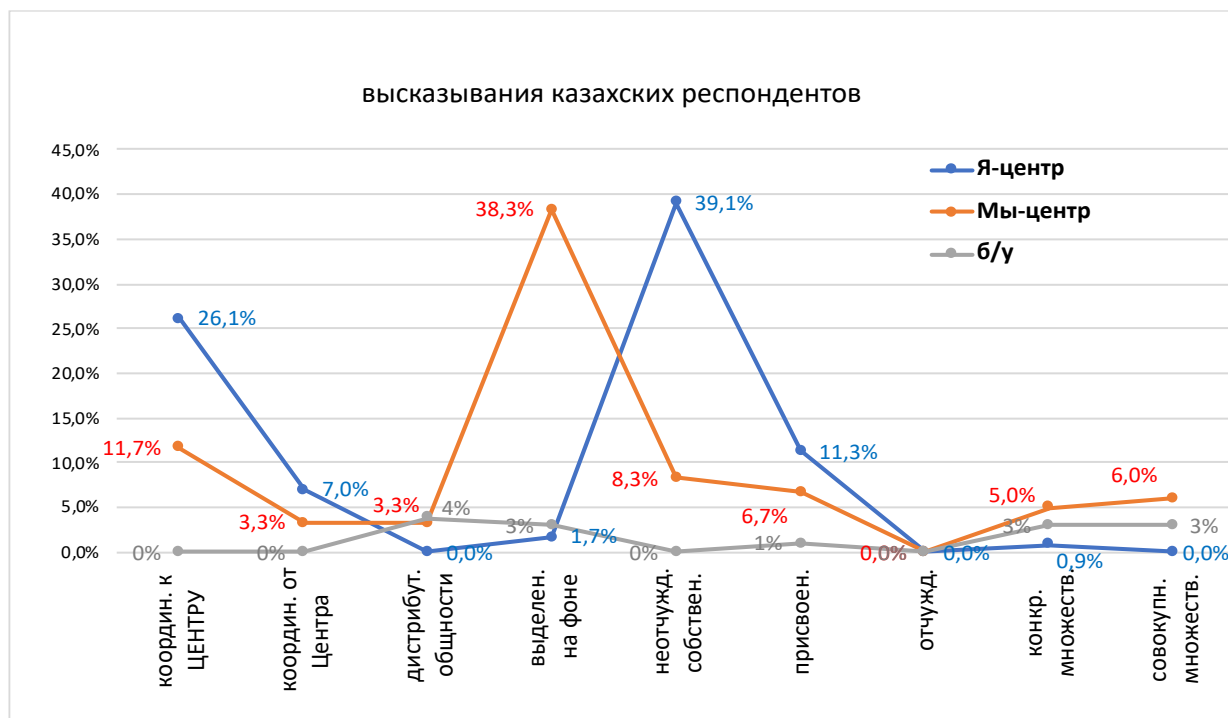

Рисунок 6 – Качественные характеристики речевых маркеров в высказываниях респондентов казахской группы в зависимости от выбора центра

В данной части исследования осуществлен анализ атрибутов референтных сцен на основе ответов респондентов казахской группы.

В высказываниях с Я-центром наиболее часто использовались маркеры владения *мой, моя, мои* (39,1%) и маркеры направленности к Я-Центру *для меня, для нас* (26,1%). Ср.: *Лично для меня он самый верный друг*. В высказываниях с Мы-Центром содержится больше указаний на соотнесение говорящего с одним из близких (38,3% маркеров выделенности на фоне группы). Ср.: *С отцом мы часто играем в шахматы*

Частотность местоимений *вся, все* в качестве маркеров конкретного множества и совокупности признаков также увеличивается (5% и 6%). Показательно, что вне зависимости от указаний на Центр в высказываниях отсутствуют маркеры отчуждения. Взрослые сестры и братья, их супруги и дети описываются как часть семьи говорящего. Ср.: *А мой зять, кстати, тоже в Лондоне сейчас живет*.

Далее производится анализ атрибутов референтных сцен на основе ответов респондентов русской группы.

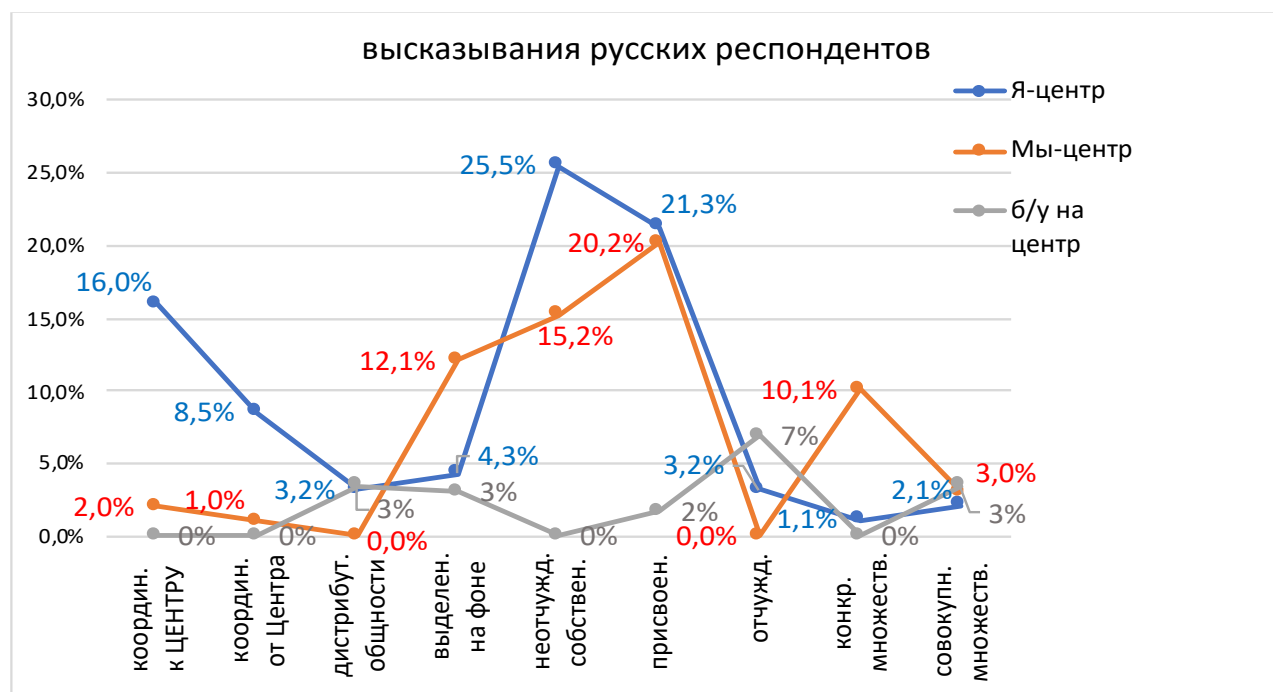

Рисунок 7 – Качественные характеристики речевых маркеров в высказываниях респондентов русской группы в зависимости от выбора центра

В высказываниях с Я-центром чаще востребованы местоимения с предлогом *у меня* (21,3 % маркеров присвоения) и притяжательные местоимения *мой, моя, мои* (25,5% маркеров владения). Ср.: *Мама у меня очень любит свою работу*.

С выбором Мы-центра эти предпочтения сохраняются, а также увеличивается показатель частотности местоимений *все, вся* (маркеры конкретного множества 10,1%, совокупности признаков 3%). Респонденты русской группы описывают степень родства (3,2% маркеров отчуждения). Ср.: *У моей сестры есть своя семья: двое детей, муж*.

Сопоставление полученных показателей дает представление об активации **образных схем, ориентирующих интерпретацию** события со-отношения между референтными объектами в высказываниях о семье (см. Рисунок 8).

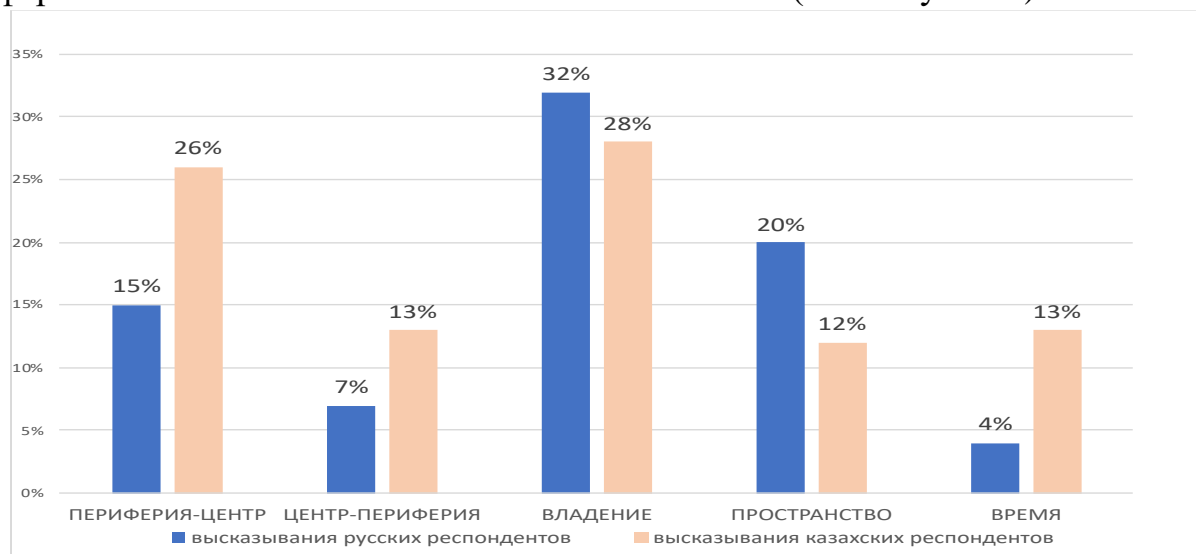

Рисунок 8 – Сравнительная диаграмма частотности образных схем в референтных сценах высказываний о семье

В высказываниях о семье респондентов казахской группы характеристики референтных сцен в большинстве случаев определяет схема ЦЕНТР. У русских респондентов ориентир чаще задает схема ВЛАДЕНИЕ. Пространственные и временные характеристики распределяются также различным образом. В высказываниях респондентов-казахов референтные сцены чаще выстраиваются на основе схемы ВРЕМЯ. В высказываниях русских респондентов это происходит на основе схемы ПРОСТРАНСТВО.

Предпочтение атрибута непрерывности в продуцировании высказываний о семье у респондентов-казахов подтверждается анализом контекстов с лексикой темпоральной семантики (*сейчас, каждый вечер* и др.). В высказываниях о семье чаще акцентируется непрерывность (48%). В 69% высказываний русских респондентов темпоральная семантика профилирует дискретность времени.

Таким образом, в экспериментальной ситуации неструктурированного опроса *Расскажите о своей семье* было установлено следующее. В высказываниях на русском языке, продуцированных казахами-билингвами, референтные сцены чаще реализуют модель интерреляции цикла и имеют временные атрибуты. Организация референтных сцен в высказываниях русских респондентов отличается доминированием модели интерреляции объекта, указаниями на совместность и кратность действий.

На втором этапе психолингвистического исследования апробируется авторская методика **переводческого эксперимента**. Целью переводческого эксперимента стало подтверждение гипотезы о том, что опыт дискурсивных практик русско-французских билингвов обуславливает в тексте перевода наличие речевых средств, семантика которых актуализирует релевантный для русского дискурса межличностных отношений социокультурный конструкт *общность*.

Материалом для переводческого задания послужила французская статья об отношениях между любящими людьми, размещенная на сайте www.femmeactuelle.fr. Участниками эксперимента выступили русско-французские билингвы, проживающие в русскоязычной среде (20 участников). В качестве контрольных версий переводов использовались три, выполненные этническими русскими, в течение двадцати лет проживающими и работающими во Франции. Общее количество речевого материала вместе с контрольными переводами – 1380 высказываний.

Для проверки данной гипотезы анализируются способы перевода французских метафор, объединенных моделью ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ. Ср.: *aller plus loin avec quelqu'un* (букв. идти дальше с кем-то). Результаты анализа трансформаций референтных сцен в русских переводах представлены на Рисунке 9.

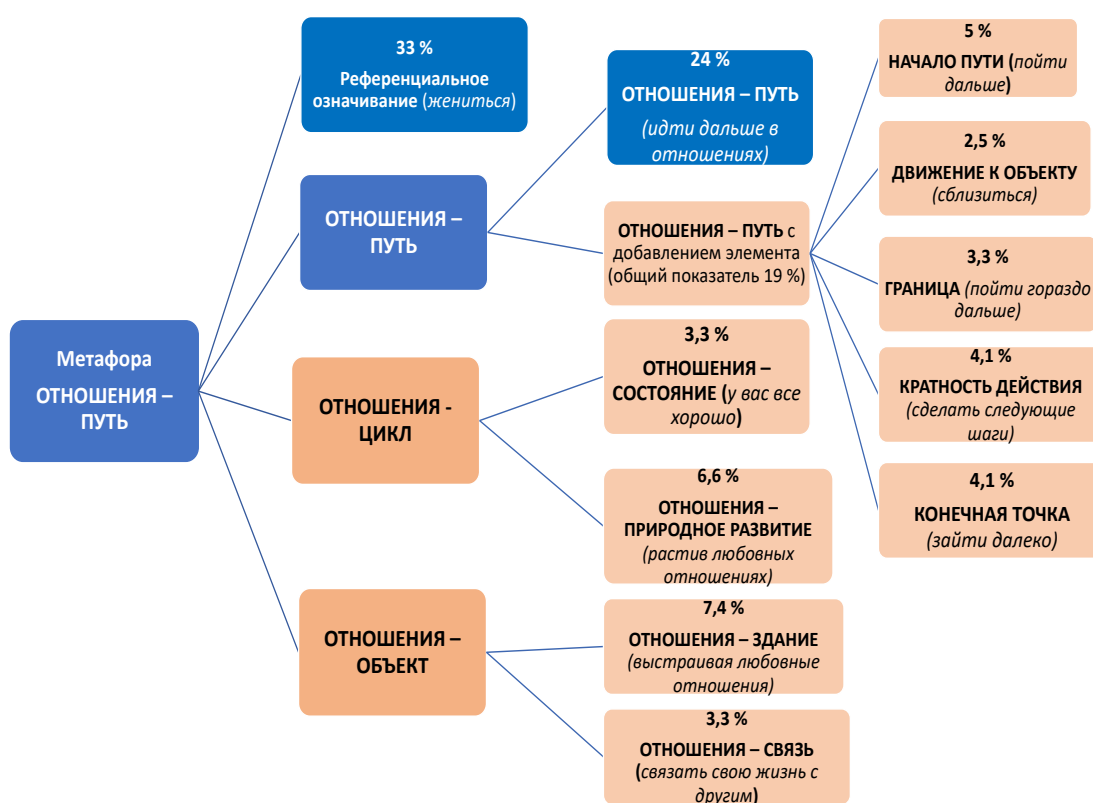

Рисунок 9 – Трансформации метафоры ОТНОШЕНИЯ – ПУТЬ в переводах респондентов группы RUS

В ряде переводов активизируются метафоры с интерреляциями объекта и цикла. Использование в русских высказываниях семантики пути приводит к акцентированию пределов, остановок и прерывности движения. В контрольных переводах исходная модель воспроизводится без дополнительных элементов.

Перевод средств экстенциональной референции происходит на основе индивидуализации объекта речи. Ср.: *в обиде на женщину* (переводческое решение для лексемы *la personne/ человек*). Перевод средств интенциональной референции (*relation/ отношения, engagement/ ответственность*) привлекает в

контекст содержание о качественных характеристиках объекта речи (*крепкие, истинные* и др.), речевые средства с семантикой институционального акта (*женитьба, обручиться* и др). В контрольных переводах на русском языке воспроизводится гендерная нейтральность (*человек, личность*), семантика институциональных актов не используется.

Интерпретация объекта речи сферы межличностных отношений в русских переводах происходит с акцентированием эмоционального переживания и единения участников взаимоотношений. Вследствие переводческих решений респондентов в контекстах возникают **скрипты русского дискурса межличностных отношений** и элементы кода субъективной позиции.

Знания об общности и нивелировании личных границ становятся дополнительными невербализованными компонентами контекстов. Так, указание во французском высказывании на личную мотивацию действия и право решения (*quand il se sentira prêt à en parler/ когда он почувствует, что готов*) при переводе трансформируется в компонент «контроль действий». Ср.: *Вы дадите ему время подготовиться*. Возникают импликации о жертвенности в пользу гармоничных отношений. Ср.: *посвящаете свою жизнь* (перевод *partager son temps libre/ делить свое свободное время*). Компонент «выбор» (*on fait le choix d'aller plus loin/ мы делаем выбор идти дальше*) заменяется на решимость, желание (*хочешь идти дальше, решаешься*). Регулярно гиперболизируются эмоциональные переживания.

Содержательные компоненты, соотносимые с социокультурным конструктом *личное пространство*, неизменно сохраняются в контрольных переводах, сделанных представителями франкоязычной дискурсивной среды.

Применение методики переводческого эксперимента позволило установить, что речевые контексты высказываний на русском языке адаптируются социокультурному конструкту *общность*, доминирующему в русском дискурсе межличностных отношений. Из этого последовал вывод о том, что диспозитивность дискурса межличностных отношений ограничивает индивидуальную интерпретацию объектов речи общекогнитивными, дискурсивными и культурно-специфическими факторами интерпретации, коллективно сформированными в лингвокультурной среде и присутствующими в языковом сознании ее представителей.

В **заключении** подведены итоги исследования, сделаны выводы в соответствии с поставленной целью и задачами, определены перспективы дальнейшей разработки категории диспозитивности дискурса.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Монография:

1. Монгилёва, Н. В. Интерпретативность дискурса: лингвокультурный аспект / Н. В. Монгилёва. – Костанай : КПУ им. А. Байтұрсынұлы, 2024. – 220 с. ISBN 978-601-356-460-9.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, определенных перечнем ВАК Минобрнауки России:

2. Монгилёва, Н. В. Национальная и этническая картины мира в произведении Ф. Гэн «Киффе-киффе завтра» / Н. В. Монгилёва // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 7 (336). – С. 180–186.

3. Монгилёва, Н. В. Этнокультурные особенности когнитивной метафоры «семейная жизнь – путь» (на материале свадебных тостов-пожеланий) / Н. В. Монгилёва // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 54–63 (издание, индексируемое в базе данных Scopus).

4. Монгилёва, Н. В. Семантическое развитие латинских обозначений родства и семейных отношений во французском смысловом пространстве «семья» / Н. В. Монгилёва // Вестник Башкирского университета. – 2016. – № 4. – С. 1107–1114.

5. Монгилёва, Н. В. Архетипический образ «связь» в метафоризации отношений между людьми / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 217–224.

6. Монгилёва, Н. В. Дискурс «границ»: анализ франкоязычного дискурса о семье / Н. В. Монгилёва // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 98–108.

7. Монгилёва, Н. В. Этнокультурный аспект смыслового пространства «моя семья» (на материале устных высказываний о семье) / Н. В. Монгилёва // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 2 (32). – С. 94–109.

8. Монгилёва, Н. В. Элементы космогонической картины мира в лингвомен-тальном пространстве «семья» у казахов / Н. В. Монгилёва // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 9 (405). – С. 50–58.

9. Монгилёва, Н. В. Функционирование образной схемы «связь» в системе метафорических расширений / Н. В. Монгилёва // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (56). – С. 119–125.

10. Монгилёва, Н. В. Архетипическое расширение образной схемы во французском дискурсе о семье / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 280–283.

11. Монгилёва, Н. В. Архетип как составляющая языкового знака и культуры в аспекте философии постмодернизма (на примере произведения П. Зюскинда «Парфюмер») / Н. В. Монгилёва, Д. Т. Аймуханова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 89–94.

12. Монгилёва, Н. В. Скрипты связи в русскоязычном дискурсе о межличностных отношениях / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 184–187.

13. Монгилёва, Н. В. Когнитивный анализ дискурса о взаимоотношениях сквозь призму переводческого эксперимента / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 687–693.

14. Монгилёва, Н. В. Схемное моделирование в лингвокультурологических сопоставлениях / Н. В. Монгилёва, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 52–59.

15. Монгилёва, Н. В. Нарративные схемы лингвокультуры / Н. В. Монгилёва // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 6 (428). – С. 107–114.

16. Монгилёва, Н. В. Метафора СТРУКТУРА СОБЫТИЯ как культурный код в нарративе о ревности / Н. В. Монгилёва, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 87–95 (издание, индексируемое в базе данных Scopus).

17. Монгилёва, Н. В. Лингвокультурная модель казахского дискурса межличностных отношений / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 671–675.

18. Монгилёва, Н. В. Диспозитивность события *со-отношение* в конструировании смыслов дискурса межличностных отношений / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2 (49). – С. 586–592.

19. Монгилёва, Н. В. Принцип конвенциональной значимости в формировании дискурса / Н. В. Монгилёва, Р. Муханбетжанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9 (467). – С. 161–169.

20. Монгилёва, Н. В. Методологические установки анализа дискурса объекта в высказываниях о межличностных отношениях / Н. В. Монгилёва, С. Л. Кушнерук // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-2 (57). – С. 195–199.

21. Монгилёва, Н. В. Код субъективной позиции дискурса межличностных отношений / Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2 (58). – С. 167–170.

22. Талыбова, Я. С. Метафора «Университет – Путешествие» в дискурсе университетского веб-сайта / Я. С. Талыбова, Н. В. Монгилёва // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2 (58). – С. 230–233.

Публикации в иных изданиях:

23. Монгилёва, Н. В. Опыт описания метафорической модели молодежного сленга / Н. В. Монгилёва // Вестник Казахского университета МОиМЯ им. Аблайхана. Филология. – 2012. – № 2 (26). – С. 41–47.

24. Муслимова, Ж. Functions of scientific text in the speech of “The big bang theory” sitcom characters / Ж. Муслимова, Н. В. Монгилёва // Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. Филология. – 2020. – № 3. – С. 175–180.

25. Талыбова, Я. С. Аттрактивный потенциал университетских веб-сайтов / Я. С. Талыбова, Н. В. Монгилёва // Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ хабаршысы. Филология. – 2022. – № 4 (64). – С. 195–207.

26. Талыбова, Я. С. Информационно-стратегический потенциал дискурса университетских веб-сайтов / Я. С. Талыбова, Н. В. Монгилёва // Вестник Торайгыров университета. Филологические науки. – 2022. – № 4. – С. 270–281.

27. Нурмагамбетова, А. А. Провокационные вопросы и реакции на них в политическом интервью / А. А. Нурмагамбетова, Н. В. Монгилёва // TILTANYM. – 2023. – № 3 (91). – С. 118–126.

28. Nurmaganbetova, A. A. Communication Strategies in Political Interviews (Based on an Interview with Joe Biden / A. A. Nurmaganbetova, N. V. Mongilyova // Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ хабаршысы. Филология. – 2023. – № 3 (70). – С. 200–210.

29. Макишева, А. А. Метафорическая модель ДЕМОКРАТИЯ – ОБЪЕКТ в инаугурационных речах президентов США / А. А. Макишева, Н. В. Монгилёва // Торайғыров университетінің хабаршысы. Филологиялық. – 2023. – № 4. – С. 230–243.

30. Талыбова, Я. С. Презентационность университетского дискурса (на материале веб-сайта вуза) / Я. С. Талыбова, Н. В. Монгилёва // Қарағанды университетінің хабаршысы. Филология. – 2023. – № 4 (112). – С. 60–67.

31. Нурмагамбетова, А. А. Особенности использования коммуникативной стратегии порицания в политическом интервью / А. А. Нурмагамбетова, Н. В. Монгилёва // Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ хабаршысы. Филология. – 2024. – № 4. – С. 187–199.

32. Монгилёва, Н. В. Коннотация единиц, содержащих лингвокультурологическую информацию / Н. В. Монгилёва, Д. Искакова // Интеграционные процессы в образовании: проблемы и перспективы : материалы международной научно-практической конференции. – Костанай : КГПИ, 2012. – С. 247–251.

33. Монгилёва, Н. В. Стереотипные представления казахов о будущем на материале свадебных тостов пожеланий / Н. В. Монгилёва, У. Карась // Мультилингвизм и межкультурное образование: опыт преподавания в Казахстане : материалы международного научно-практического семинара. – Астана : ЕНУ им. Л. Гумилева, 2012. – С. 236–240.

34. Монгилёва, Н. В. Концепты «вина» и «стыд» в западноевропейской и тюркской картинах мира / Н. В. Монгилёва, А. Муразбулатова // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики : материалы международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых исследователей. – Костанай : КГУ, 2012. – С. 10–13.

35. Монгилёва, Н. В. Стереотипные представления о семье на материале свадебных тостов-пожеланий / Н. В. Монгилёва, К. Байканова // Развитие личности: Личность в современном мире: быть или казаться? : материалы международного научно-практического семинара, 12 апреля 2013 г. – Костанай : КИЭУ им. Дулатова, 2013. – С. 199–204.

36. Mongilyova, N. V. Research Into Functioning of the State Language in the Situation of Mass Bilingualism of North Kazakhstan Using the Differential Technique / N. V. Mongilyova // SAGE Open. – 2015. – V. 5 (3) (издание, индексируемое в базе данных Scopus).

37. Mongilyova, N. V. Ethnocultural Concepts of Family Life on the Material of Texts of Wedding Wishes / N. V. Mongilyova // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 200. – P. 330–336. (издание, индексируемое в базе Scopus).

38. Mongilyova, N. V. Les structures du niveau de base et les representations archetypales des discours russe et français sur la famille / N. V. Mongilyova // Языковое образование в Казахстане в условиях глобализации : материалы международного форума. – Костанай : КГУ, 2015. – С. 134–137.

39. Монгилёва, Н. В. Когнитивный анализ устных высказываний «расскажите о своей семье» / Н. В. Монгилёва // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Международной научной конференции, Челябинск, 20-22 апреля 2016 г. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – Т. 1. – С. 206–210.

40. Монгилёва, Н. В. О новых подходах к исследованию значения слова / Н. В. Монгилёва // Байтурсиновские чтения – 2016 : материалы международной научно-практической конференции, Костанай, 15 апреля 2016 г. – Костанай : КГУ, 2016. – С. 224–227.

41. Mongilyova, N. V. Schemas cognitifs et la dimension archétypale des discours en français et en russe / N. V. Mongilyova // Discourse, Cognition & Contructions: Implications and applications : AFLiCo7, 31.05.2017-03.06.2017. Book of abstracts. – Belgique : Université de Liège, 2017. – P. 67–67.

42. Монгилёва, Н. В. Семантика межличностных отношений в дискурсе интернет-коммуникации / Н. В. Монгилёва, М. Ландырева // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики : материалы международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых исследователей. – Костанай : КГУ, 2017. – С. 30–35.

43. Mongilyova, N. V. Metaphorical image of Kazakhstan in english-speaking and local media / N. V. Mongilyova, N. N. Shandetskaya // 3i : intellect, idea, innovation. – 2017. – № 4. – С. 306–310.

44. Монгилёва, Н. В. Отбасы туралы француз дискурсындағы бейнелі схема және бейнелер / Н. В. Монгилёва // Актуальные проблемы перевода в контексте межкультур. коммуникации : материалы международного научного симпозиума. 16-17 марта 2017. – Алматы : КазУМОиМЯ, 2017. – С. 411–417.

45. Mongilyova, N. V. Cognitive schema BOND of the Russian discourse about relationships / N. V. Mongilyova // ICCG10: International Conference on Construction Grammar(s). July 16th-19th. Book of abstracts. – Paris, 2018. – P. 437–438.

46. Монгилёва, Н. В. Этнокультурная специфика метафорического структурирования смысла «избавиться от ревности» / Н. В. Монгилёва // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 182–187.

47. Монгилёва, Н. В. Когнитивная архитектура когнитивно-тематической области «межличностные отношения» русского дискурса / Н. В. Монгилёва // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международной научной конференции. – Челябинск : ЧелГУ, 2018. – С. 173–176.

48. Shandetskaya, N. N. Centre-periphery model of spatial metaphor in the media image of Kazakhstan / N. N. Shandetskaya, N. V. Mongileva // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2018. – №. 40. – P. 199–203.

49. Абдирахманов, М. Когнитивные модели в построении образа Казахстана (на материале NEW YORK TIMES и GUARDIAN) / М. Абдирахманов, Н. В. Монгилёва // Байтурсыновские чтения – 2019 : материалы международной научно-практической конференции. – Костанай : КГУ, 2019. – С. 14–17.

50. Mongilyova, N. V. Conceptual Metaphtonymy Of Kazakh Wedding Toast Wishes / N. V. Mongilyova, E. B. Medetova // WUT 2020 : 10th international conference. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Chelyabinsk, 2020. – Vol. 86. – P. 984–993.

51. Монгилёва, Н. В. Қазақ лингвомәдениетіндегі отбасы ұғымының космогониялық архетипикалық бейнелері / Н. В. Монгилёва, Э. Б. Медетова // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Хабаршы-Вестник. Филологические науки. – 2021. – № 4(74). – С. 122–127.

52. Монгилёва, Н. В. Диспозитивность условий референциального выбора в рассказах о семье / Н. В. Монгилёва // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XII международной научной конференции. – Челябинск, 2024. – С. 71–76.